

Воркута. Лестница

Э
А

дыма морозов

ХОЛОДНЫЙ РАССВЕТ

Дьма Морозов
Воркута. Лестница
А Холодный Рассвет
Серия «Воркута. Лестница», книга 1

<https://litres.ru/73979176>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 2020 году двое молодых людей, не имевших ничего, приехали из Челябинска в Воркуту — землю вечных морозов — всего лишь за тем, чтобы заработать на собственную квартиру за минимальную цену. Они поселились в заброшенном пятиэтажном доме, который пустовал пятнадцать лет, боролись за выживание в сорокаградусные морозы, еле сводили концы с концами, сдавая металлолом и берясь за любую подработку. Однажды они случайно спасли местную девушку Настю, обладающую непокорным характером, а затем познакомились с молодым полицейским Димой, который добровольно перевёлся из Москвы в этот захолустный город. Четверо людей разных судеб, каждый со своими тайнами, объединились в этом забитом миром увядающем промышленном городе, чтобы вместе противостоять морозу, насилию и трудностям выживания — и собрать из холодных руин единственное тепло и надежду.

Содержание

Воркута. Лестница А	4
Глава 1 Воркута.	5
Глава 2. Жильё в заброшенном доме	30
Глава 3. Крайний холод сковал город	54
Глава 4. Московский гость в замёрзшем городке	76
Глава 5. Заброшенное здание: возрождение опорного пункта	109
Глава 6. Ледяной дом стал тёплым: мечта сбылась	147
Г	182
Конец ознакомительного фрагмента.	183

Воркута. Лестница А Холодный Рассвет

Воркута. Лестница А

В 2020 году двое молодых людей, не имевших ничего, приехали из Челябинска в Воркуту — землю вечных морозов — всего лишь за тем, чтобы заработать на собственную квартиру за минимальную цену. Они поселились в заброшенном пятиэтажном доме, который пустовал пятнадцать лет, боролись за выживание в сорокаградусные морозы, еле сводили концы с концами, сдавая металлолом и берясь за любую подработку. Однажды они случайно спасли местную девушку Настю, обладающую непокорным характером, а затем познакомились с молодым полицейским Димой, который добровольно перевёлся из Москвы в этот захолустный город. Четверо людей разных судеб, каждый со своими тайнами, объединились в этом забитом миром увядающем промышленном городе, чтобы вместе противостоять морозу, насилию и трудностям выживания — и собрать из холодных руин единственное тепло и надежду.

Глава 1 Воркута.

Сибирский морозный ветер никогда не бывает ласковым, особенно здесь, в Воркуте — на клочке земли, забытом Богом у самого края Полярного круга. Январь 2020 года. В большинстве городов европейской части России ещё царит новогоднее оживление: толпы туристов, не остывшая праздничная атмосфера. Но в Воркуте, затерянной в Республике Коми, несмотря на приток редких гостей, большая часть города по-прежнему погребена под снегом толщиной более метра — не хватает людей для уборки. Свинцовое небо нависает низко, словно тяжёлая, пропитанная ледяной водой ветошь, готовая в любой момент обрушиться на землю новый заряд колючего снега. Ветер с севера несёт ледяную крошку, режет лицо, будто тупой нож; даже выдыхаемый воздух мгновенно превращается в белую дымку и тут же исчезает, разорванный в клочья яростным ветром. Всё здесь — изнутри и снаружи — пронизано леденящим чувством заброшенности и одиночества.

В этот момент к перрону, тяжело дыша, подползает поезд — одна из немногих нитей, связывающих этот угасающий шахтёрский городок с внешним миром. Вагоны набиты людьми с окоченевшими лицами, закутанными в тяжёлую зимнюю одежду: кто-то возвращается домой с рюкзаком за

плечами и безысходностью во взгляде; кто-то — приезжий, потерянный и уставший после долгой дороги, с выражением растерянности на лице. В тамбуре два молодых парня жмутся друг к другу, пытаюсь укрыться от пронизывающего ветра, проникающего сквозь щели дверей; даже краткое ощущение тепла кажется недостижимой роскошью.

Старший из них — Игорь Васильевич Соколов, двадцать два года, рост под метр восемьдесят пять — среди российских парней его возраста выглядит очень внушительно. Он худощав, но в нём чувствуется жёсткая уличная закалка. Короткие светло-каштановые волосы взъерошены, мокрая чёлка прилипла ко лбу; из-под неё сверкают яркие глаза — в них и смекалка, и упрямая решимость. Одет по-простому: выцветшая чёрная кожаная куртка в обтяжку, под ней — заношенный серый свитер в катышках, тёмно-синие джинсы с протёртыми коленями и тяжёлые мартинсы, облепленные грязью и снегом. Даже в тесном и грязном вагоне он то и дело поправляет волосы, изо всех сил стараясь сохранить остатки жалкой, но упрямой привлекательности.

Рядом с ним — его земляк и младший товарищ Семён Николаевич Морозов, двадцать один год, ростом ниже Игоря на полголовы, полноватый. Круглое лицо с испуганными глазами делает его похожим на простодушного и даже трусоватого парня. Он закутан в слишком просторную старую

ватную куртку; шапка натянута до самых бровей — наружу торчит только красный нос и дрожащие губы. В руках он судорожно сжимает потрёпанный брезентовый мешок: всё их имущество — несколько смен белья, пара чёрствых кусков хлеба да бутылка с холодной водой.

— Игорёк... мы... правда тут останемся?.. — голос Семёна дрожит и срывается на плач; зубы стучат от холода. Он смотрит через заиндевевшее окно на бескрайнюю белую пустошь за окном — ни одного деревца — и глаза его мгновенно наполняются слезами. — Тут слишком холодно... в десять раз хуже, чем дома... говорят, тут на улицах почти никого нет... как мы заработаем? А если не заработаем — даже на обратный билет не хватит...

Игорь косо смотрит на него и легонько хлопает по круглой голове — не сильно, но с той непоколебимой уверенностью, что бывает только между земляками; в голосе слышится и раздражение, и скрытая теплота:— Семёнушка, ну будь же мужиком! Распустил нюни как баба! Дома у нас что? Кроме как по удаче попасть на крупное предприятие — никаких перспектив. В Челябинске мы максимум на подработках перебиваемся, образования у нас нет. Там весь год только на еду хватает; если остаться — так и проживём всю жизнь в пригороде, ни квартиры нормальной, ни семьи...

Игорь резко выпрямляется: пусть ветер всё так же хлещет по шее, но он держится так уверенно, будто всё уже решил; в глазах горит одержимость будущим и отчаянная решимость:— Да, Воркута холодная. Многие говорят: город умирает. Говорят: глухомань. Но ты вспомни: при Союзе это был настоящий шахтёрский центр! Дажедохлый верблюд больше лошади! Здесь полно брошенных возможностей! Местные считают работу слишком тяжёлой или грязной — мы возьмёмся! Считают копейки недостойными внимания — мы соберём! Если не бояться работы и шевелить мозгами — деньги будут! Я тебе прямо скажу: я здесь должен заработать хотя бы сто тысяч рублей и купить себе свой дом!

При упоминании о ста тысячах и собственном доме глаза Игоря вспыхивают жарким блеском. Он не просто так привёз Семёна в Воркуту наобум. Полмесяца назад в челябинском баре он услышал рассказ одного старожилы Воркуты: хоть место и суровое, зато нет столько интриг и подковёрных игр; люди здесь простые и добрые; если не лениться и искать лазейки для заработка — копеечка идёт легче, чем дома, а старые дома стоят сущие копейки: за сто тысяч — а то и за восемьдесят! — можно взять себе хрущёвку с двориком на окраине Воркуты. Пусть дом ветхий — зато свой.

Игорь с детства рос без отца, мать вышла замуж и бросила его — так он стал безнадзорным дичком. Он вырос на улице, пробиваясь сам, учился мало, но усвоил главное: хочешь

выжить и жить достойно — рассчитывай только на себя. Он сыт по горло скитаниями без угла, сыт случайными подработками в Челябинске, сыт косыми взглядами и положением вечного жильца. Его единственная мечта — собственное гнездо, где можно ни от кого не зависеть и не бояться, что завтра выгонят. И Воркуту он выбрал местом, где эта мечта сбудется.

— Но ведь восемьдесят тысяч рублей — Семён всё хмурился и, морщась, загибал замёрзшие красные пальцы: — У нас с тобой в сумме от силы три тысячи четыреста рублей, даже до десятки не дотягивает. Когда мы накопим восемьдесят? Да и жить нам негде, жратва на исходе. Как эту ночь перекантуемся?

Игорь слегка нахмурился. Он понимал, как сурова реальность, но не привык отступать при первой же трудности. Хлопнув Семёна по плечу, он твёрдо сказал:

— Поживём — увидим. Не верю, что Россия такая большая, а мы с голоду пропадём. Сначала сойдём с поезда, найдём самую дешёвую квартиру посуточно, а потом сразу — на поиски работы. Не пытайся объять необъятное. Сперва будем братья за малые деньги — копейка рубль бережёт. Не лениться, а там и до восьмидесяти наскребём.

Поезд наконец остановился. Из динамиков донёсся казённый голос: конечная — Воркута. Пассажиры зашевелились, потянулись к дверям с вещами. Игорь, таща за собой упирающегося Семёна, вывалился из вагона. Едва ступив на перрон, они попали под порыв ледяного ветра — Семёна чуть не сбило с ног, он едва не рухнул в сугроб.

Игорь подхватил товарища и окинул взглядом этот шахтёрский городок. В глазах мелькнуло удивление, но ни тени сомнения.

Вокзал Воркуты оказался крошечным. Бледно-голубые стены с заиндевевшими полупрозрачными стёклами — всё говорило о жизни города. Перрон обветшалый, штукатурка осыпалась, обнажая серые кирпичи. Они вышли на площадь перед вокзалом — вся в снегу, под ногами хрустело. У обочины жались друг к другу старые «Лады», заваленные снегом, будто брошенные много лет назад. По площади бродили редкие прохожие — хмурые, закутанные, низко опустив головы, никто не хотел задерживаться на морозе ни на секунду.

Дальше, насколько хватало глаз, тянулись хрущёвки — в основном трёхэтажные, самое высокое этажей пять-шесть. Лишь кое-где возвышались дома постройки восьмидесятых и нулевых. Стены тускло-серые, бледно-жёлтые. Узкие окна, многие разбиты, кое-как заколочены досками. Расстоя-

ния между домами непривычно широкие.

Они зашагали в город против ветра. Улицы ухабистые, всё в снегу. Изредка попадались шахтёры в потрёпанной робе — шли, втянув голову в плечи, с инструментами за спиной. Город был тих — только завывала вьюга. Казалось, его выбросили на обочину времени, и повсюду сквозила безысходная разруха.

— Господи, ну и дыра — Семён совсем скис, глядя на унылые пейзажи. Даже сил жаловаться не осталось: — Хуже нашей челябинской окраины. Там хоть озёра, купаться можно, деревянные домики уютные. А здесь — снег да старые коробки. Да и купаться всё равно невозможно — замёрзнешь насмерть!!

— Дыра — не дыра, зато тихо. Никто хлеб не отобьёт, — Игорь, наоборот, смотрел философски. Он потащил Семёна дальше, шагая решительно: — Сначала найдём ночлег, потом работу. Хватит рассусоливать — замёрзнем как собаки.

Они брели по глубокому снегу, проваливаясь то влево, то вправо. Ветер пробирал до костей. Семёна трясло, он дышал на ладони, растирал их. Игорь тоже посинел от холода, но стиснул зубы — показывать слабинку не собирался. Он шёл и шарил глазами по стенам, столбам — искал объявления о

сдаче жилья.

Улицы Воркуты были пустынные, магазинов — раз-два и обчёлся. В основном мелкие продовольственные лавки да пара мастерских. На дверях — тяжёлые ватные занавески, чтобы хоть как-то держать мороз снаружи. Минут через десять Игорь заметил на стене старого дома мятый листок с текстом на русском:

«Сдаётся комната — 500 руб./мес., коммунальные платежи отдельно. Звонить, стучать в кв. 301».

Пятьсот рублей — цена ниже их самых скромных ожиданий.

Обрадовавшись, Игорь потянул Семёна к подъезду. Дому было лет пятьдесят, не меньше. Внутри — хоть глаз выколи: ни одной лампочки, стены в грязи, перила в рыжих пятнах ржавчины, ступени жалобно скрипели, грозя рухнуть. На ощупь поднялись на третий этаж и постучали в дверь 301.

Спустя минуту дверь приоткрылась, и на пороге появилась сморщенная грузная старуха с мутными глазами, полными подозрений. Она окинула их с головы до ног и неприветливо буркнула:

— Вы кто? Чего надо?

— Здравствуйте, бабушка. Мы по объявлению, хотим комнату снять, — Игорь мгновенно расплылся в добродушной улыбке, заговорил подчёркнуто вежливо. Он понимал: чтобы здесь зацепиться, надо держаться поскромнее.

Старуха оглядела их потрёпанную одежду — сразу ясно, бедаги. И брезгливо скривилась:

— Неместные? Откуда? Работа есть? Сразу говорю: платить помесечно, без задержек. Провороните срок — выметайтесь вон, нечего место занимать!

— Мы из Челябинска, только что приехали. Завтра же пойдём работать. Деньги за жильё будем отдавать в срок — ни разу не подведём, бабушка! Мы тихие, без проблем! — Игорь тут же закивал, изогнулся в поклоне, стараясь выглядеть как можно более покладистым.

Старуха помедлила. Наверное, комната давно пустовала, потому что она нехотя буркнула:

— Комната у меня на четвёртом этаже. Маленькая — кровать да шкаф. Если устраивает, платите и получайте ключ.

— Устраивает! Ещё как устраивает! — обрадовался

Игорь. Он вытащил из внутреннего кармана мятый тряпичный свёрток и, аккуратно отсчитав пятьсот рублей, протянул их хозяйке обеими руками.

Старуха пересчитала деньги, потом достала из ящика ржавый ключ, бросила его Игорю и недовольно махнула рукой:

— Давай, поднимайся. Только не шумите у меня! Условие: тихо, чтобы соседей не беспокоить!

Игорь рассыпался в благодарностях, схватил Семёна, и они поднялись на четвёртый этаж. Открыли дверь комнаты 402 — в лицо ударил запах затхлости и пыли, оба закашлялись. Комната оказалась крошечной, квадратов пять-шесть. Внутри — прогнутая деревянная кровать да облезлый платяной шкаф. Больше ничего. Маленькое окно сплошь покрыто инеем, свет почти не проникает. Сыро, темно и холодно, как в леднике.

Семён обвёл это убожество взглядом, и у него на глазах выступили слёзы:

— Игорёк, да разве тут можно жить? Холодрыга, сырость, воняет. Может, поищем ещё?

— Что искать? — Игорь бросил свой вещмешок на кровать и потёр замёрзшее лицо. — У нас денег — кот наплакал. Радуйся, что есть где переночевать. Перебьёмся одну ночь, а завтра чуть свет — на поиски работы. Как заработаем —

переедем в нормальное жильё. А купим свою квартиру — вообще махом все муки кончатся.

Он подошёл к окну, ладонью стёр иней со стекла и посмотрел на заснеженные улицы Воркуты. В его глазах не было ни тени сомнения — только разгорался боевой задор.

Ну и что, что бедный? Ну и что, что город развалюха?

Игорь никогда не надеялся на авось — только на свои руки да на свою голову. На улицах Челябинска он умел кормиться тем, что играл на публику. Значит, и в Воркуте не пропадёт. Восемьдесят тысяч на квартиру — это его цель, и он её добьётся. Мало того — он здесь закрепится, заживёт по-людски.

Семён, видя, что спорить бесполезно, не стал больше перечить. Молча достал из мешка вещи и кое-как прибрал в комнате. Поужинали всухомятку: размочили в ледяной воде чёрствый чёрный хлеб, погрызли корки. В комнате батарей не было — холод пронизывал до костей. Пришлось залезть вдвоём на скрипучую кровать, укрыться двумя куртками и греться друг о друга — так кое-как и пережили ночь. Семён вырубился мгновенно и засопел в две дырочки. А Игорю было не до сна — он лежал с открытыми глазами, смотрел в чёрный потолок и прокручивал в голове план на завтра.

В шахтёры он не нанимался — тяжело, опасно, да и платят копейки. Ему нужен был лёгкий, но честный заработок, «левые» денежки, но без криминала. Воркута — старый шахтёрский город, здесь брошенного инструмента и металлолома — хоть отбавляй. Собирать это добро и сдавать в приёмку почти без затрат — одна малина. Город глухой, курьерской доставки никто толком не делает — крупные компании есть, а услуги «из рук в руки» почти не развиты. Тоже хлеб. Пенсионеров и алкашей — пруд пруди. Помогать старикам с покупками, приглядывать за мелочёвкой в мелких лавках, разруливать соседские склоки — всё это даст и копейку, и нужные связи. Ничего противозаконного, зато народ узнаешь.

По таким мелочам, с миру по нитке, и наскребёшь со временем восемьдесят тысяч. Думал он так, думал, и сон наконец сморил его. Игорь уснул под завывание выюги, полный надежд.

На следующий день, чуть свет, он проснулся сам собой. За окном по-прежнему выл ветер, снежные крупинки барабанили по стеклу. Игорь растолкал Семёна, они наскоро умылись, выскочили из комнаты и зашагали в город.

Раннее утро в Воркуте оказалось ещё холоднее, чем ночью. Солнце не показывалось из-за туч, снега навалило ещё

больше. Прохожих прибавилось — народ шёл на работу или за покупками. Игорь решил сначала заглянуть на маленький рынок в центре — разнюхать, чем местные дышат, и прикинуть, где можно подзаработать.

Рынок оказался невелик — десятка два лотков. Торговали в основном бабушки и дедушки: продукты, хозяйственные мелочи, одежда бэушная, инструменты. Покупателей было мало. Игорь прошёлся по кругу и заметил, что торговля поддержанным инструментом идёт бойчее. Шахтёры, ремонтники, домашние хозяйки — все искали что-то нужное. Отслуживший своё шахтёрский инвентарь и обрезки металла, если чуть подлатать да почистить, можно было толкнуть за хорошую цену.

Игорь твёрдо решил: это его стезя. Начальный капитал — ноль. Бегай по окрестностям, собирай брошенный металл и старые инструменты, тащи на рынок — и получай живые деньги. Быстро и без вложений.

Он хлопнул Семёна по плечу, и они вышли с рынка. Пошли без цели, куда глаза глядят, и сами не заметили, как забрели в глухой район. Игорь как раз размышлял о приёнке металлолома, как вдруг с другой стороны заснеженной улицы раздался звонкий, с задорной хрипотцой женский голос. Он разорвал гнетущую тишину:

— Ты что, совесть потерял? Взял товар — плати! Не хочешь по-хорошему? Сегодня же заплатишь, никуда не денешься!

Игорь обернулся на голос. У входа в небольшой продовольственный магазинчик собралось несколько человек. Молодая девушка, подбоченившись, стояла перед нетрезвым мужчиной средних лет. Глаза горели, в осанке — ни капли страха перед этим нахалом.

Девушку звали Анастасия Петровна Ковалёва. Все в городе называли её Настей.

Насте только что исполнилось двадцать лет, она была коренной воркутинкой. Рост — метр шестьдесят пять, ладная фигурка. Длинные золотистые волосы забраны в высокий хвост — смотрится бодро. Овальное лицо, смуглая здоровая кожа, черты яркие и крупные. Глаза большие, круглые, и когда она сердито на кого-то смотрела, в них читалась такая решимость, такая «не подходи — убьёт», что сразу становилось ясно: перед вами настоящая русская девчонка с характером. Красивая, смелая, себе на уме — таких просто так не обидишь.

На ней была короткая красная куртка, чёрные облегаю-

щие штаны и зимние ботинки — молодо и по-деловому. Она работала продавщицей в этой маленькой лавке. Только заступила на смену, как этот пьянчужка сунул под куртку бутылку водки и попытался улизнуть, не заплатив. Настя была не из тех, кто спускает наглость. Она тут же выскочила следом и преградила ему дорогу.

Пьяный был красномордый, перегаром разило за версту. Шатало его, но он всё же пытался держаться с нахальной важностью. Он злобно уставился на Настю и заорал:

— Курица, ты кому указываешь? Подумаешь, бутылка дрянная! Да я, когда по Воркуте шлялся, тебя ещё и в проекте не было. Сегодня не заплачу — и что ты мне сделаешь?

С этими словами он протянул руку, чтобы оттолкнуть девушку. Вокруг собралась толпа зевак, но никто не вмешивался — этого алкаша в городе знали как отъявленного дебошира, каждый боялся себе нажить неприятности.

Настя, однако, ничуть не испугалась. Ловко отступила на шаг, снова упёрла руки в боки и ответила ещё твёрже:

— Не рычи! Товар взял, а платить не хочешь. Это закон. Кем бы ты ни был, а деньги выкладывай. Иначе мигом полицию вызову!

— Полицию? Да вызывай! — Пьяный обнаглел ещё больше. — Думаешь, испугался? Он шагнул вперёд и потянулся за её телефоном.

В то же мгновение Игорь понял: так дело не пойдёт.

Он терпеть не мог, когда мужчина обижает слабого — тем более такую красивую и бойкую девушку. К тому же он только что приехал в Воркуту, и не помешало бы показать себя, проявить смелость и, конечно, блеснуть перед симпатичной незнакомкой. Упускать такой случай было нельзя.

Игорь быстрым шагом подскочил к ним, оттолкнул пьяного и твёрдо встал перед Настей. Его поджарая фигура под метр восемьдесят пять возвысилась над алкашом так, что тот сразу сник. Игорь чуть нахмурился, взгляд стал холодным и колючим, голос зазвучал с той самой уличной жёсткостью:

— Герой нашёлся — девчонку обижать? Взял товар — плати, а ты ещё и руки распускать. Не стыдно?

Пьяного оттолкнули, он пошатнулся, потом восстановил равновесие и злобно уставился на Игоря, неся перегаром:

— Ты откуда такой выискался? Не лезь не в своё дело! В Воркуте жить надоело?

— А я уже влез, и что? — Игорь ни капли не испугался, выпрямился во весь рост, буравя пьяного взглядом. — Деньги сегодня заплатишь — хочешь ты того или нет. Хватит валять дурака, а то я с тобой вежливо не разговариваю!

Игорь с виду худой, но с детства бился на улицах: ловкий и быстрый. С пьяным в стельку алкашом он справился бы одной левой. А у него за спиной ещё и Семён стоял — тоже не из робкого десятка.

Пьяный понял: эти двое смотрят по-волчьи, не размазни. Оглянулся на зевак вокруг — и струхнул. Драться не рискнул, нехотя выгреб из кармана мелочь, швырнул на землю и, матерясь, убрался восвояси.

Когда пьяный ушёл, толпа понемногу разбрелась. Настя перевела дух, повернулась к Игорю и Семёну. В её взгляде читалась благодарность, но характер никуда не делся: она окинула его оценивающим взглядом и сказала без особой нежности:

— Спасибо. Ты кто такой? Что-то я тебя здесь раньше не видела.

Игорь повернулся к Насте, и его как током ударило. Серд-

це забилося чаще. Девушка оказалась ему под стать — красивая, с бойким характером, без всякой жеманности. Такие в сто раз лучше московских накрашенных кукол. Даже то, как она только что сердито свирепо смотрела, — и то было чертовски притягательно.

Он мгновенно согнал с лица суровость, провёл ладонью по волосам, нацепил небрежно-лихую улыбку и сказал тоном одновременно легкомысленным и искренним:

— Меня зовут Игорь. Мы с Челябинска в Воркуту приехали, счастья искать. А это мой кореш Семён. Красавица, а тебя как величать? Как увидел, что тебя этот нахал достаёт, — у меня рука сама зачесалась. Пустыяковое дело, не благодари.

Семён тем временем достал из кармана жвачку, отправил в рот, потом выудил из сумки солнечные очки, надел их и кивнул, помахав рукой из-за спины Игоря:

— Привет, я Семён, Игорёк мой друг.

Настя посмотрела, как они красуются — один в очках, второй причёску поправляет, — и еле сдержала улыбку, закатив глаза. Мысленно она усмехнулась: только что помогли, а уже рисуются. Но в голосе её прозвучало заметно теплее:

— Меня зовут Настя. Я здесь продавец. Спасибо вам большое, без вас я бы с этим бешеным алкашом не совладала.

— Настя — протянул Игорь. — Красивое имя, под стать хозяйке: и красивая, и боевая.

Он не скупился на комплименты и глаз с неё не сводил. Настя бросила на него короткий взгляд и спросила будто невзначай:

— Недавно в Воркуту? Работу уже нашли? Город маленький, народ бедный, деньги зарабатывать нелегко.

При слове «деньги» Игорь вмиг посерьёзnel, сбросил позёрство:

— Пока нет, только обосновались. В шахтёры не пойду — у меня и корочек нет. Хочу найти какой-нибудь простой честный заработок, без надрыва. Ты местная, подскажи, куда нос сунуть?

Настя удивлённо приподняла бровь:

— Без работы? Сразу предупреждаю: в криминал не лезь. В Воркуте если что не так сделаешь — обратно дороги не

будет.

— Понимаю, не волнуйтесь, мы с корешем — люди законопослушные, — заверил Игорь. — Думали металлолом собирать, бегальцем заниматься, мелкие поручения выполнять. Лишь бы не воруя.

Настя задумалась, потом подсказала по-доброму:

— В сторону шахт заброшенные дома и пустыри есть. Там валяется много старого инструмента и металла — можешь собирать и тащить на рынок. Много не выручишь, но на хлеб с маслом хватит. Стариков в городе полно, кому трудно из дому выйти, — для них можно покупки делать с небольшой платой. Надёжно.

— Век не забуду! Ты мне прямо золотом помогла! — Игорь обрадовался: это в точности совпадало с его ночными мыслями. — Настя, как заработаю первые деньги — угощу тебя горячим кофе. В такой морозище нет ничего лучше, чем чашка горячего.

Настя улыбнулась, но отказалась:

— Не надо, ты сам только приехал, деньги самому нужны. Мне пора работать, а то хозяин наругает.

Она повернулась и пошла к магазину, но через несколько шагов обернулась и, махнув рукой, добавила:

— В шахтерском районе всякое бывает — будь осторожней, не ввязывайся в чужие разборки. Если что — заходи в магазин, найдёшь меня.

Игорь смотрел ей вслед: золотистый хвост покачивался на ветру. На душе стало тепло и сладко. Только когда её фигура скрылась за тяжёлой дверью с занавеской, он наконец отвернулся.

— Игорёк, да ты запал на Настю, никак? — хихикнул сзади Семён.

Игорь не стал отнекиваться. Он открыто кивнул и ответил с твёрдой уверенностью:

— А хотя бы и так? Настя и красивая, и бойкая, и характер золото. Если я встану здесь на ноги — обязательно её добуюсь. Куплю ей большую квартиру, будет жить как у Христа за пазухой. А пока — зарабатывать. Пошли в шахты, соберём наши первые деньги!

Они направились прямо к заброшенным шахтам. Шли

больше трёх часов. Те районы выглядели ещё унылее, чем жилые кварталы: всюду брошенные стволы шахт, развалины цехов, горы угольного шлака. Старый металл, ржавый инструмент валялись повсюду — кому нужно? Ветер гулял по пустырю, поднимая в воздух угольную пыль и снежное крошево, было грязно и люто холодно.

Семён сморщился, брезгливо оглядываясь:

— Ну и жуть, тут и грязно, и дубак. Может, найдём что-то другое?

— А что ты хотел, цветы собирать? — отмахнулся Игорь. — Грязь — не беда, были бы деньги! Он нагнулся и начал подбирать: сперва то, что подороже — целые инструменты, цветной металл. — Это наш первый заработок в Воркуте, его мы не упустим. Держись, брат!

Оба присели в снегу и принялись собирать понемногу. Пальцы быстро замёрзли и одеревенели, лица и куртки перепачкались угольной крошкой и снежной кашицей — вид был ещё тот. Семён всё ныл, но Игорь не терял бодрости духа, то и дело подбадривал товарища: «Вот заработаем — купим горячего хлеба, горячего кофе».

Через два часа они набрали два полных мешка всякого железного хлама — тяжелых, поднять было влом.

— Хватит. Теперь на приёмку — и за деньгами! — Игорь вытер лицо от грязи, взвалил мешок и вместе с Семёном потопал обратно в город. Шли больше трёх часов.

Они уже почти дошли до пункта приёма металлолома, как вдруг Игоря осенило. Он заметил, что большинство найденных инструментов, хоть и покрыты ржавчиной, всё ещё можно использовать. Тогда он схватил Семёна за руку и потащил прямо на улицу.

В центре города он нашёл в общественном туалете водопроводный кран, отмыл находки, а рядом, в мусорном баке, отыскал старую тряпку. Расстелил её, разложил товар — устроил импровизированную торговлю с лотка. Цену поставил ниже магазинной, но повыше, чем дают за металлолом, чтобы заработать побольше. Поначалу никто не подходил. Но Игорь не унывал, орал во всю глотку, зазывал прохожих, улыбался, сыпал прибаутками. Очень скоро вокруг собралась толпа зевак, а потом пошли и покупатели.

Через полчаса оба мешка опустели. Игорь пересчитал выручку — целых восемьсот рублей!

— Мы заработали! Восемьсот рублей! — Семён аж подпрыгнул от радости, лицо сияло.

Игорь сжал деньги в кулаке — ладонь горела. Усталость и холод как рукой сняло, на душе стало легко и гордо. Первым делом он вспомнил о Насте. Они с Семёном купили горячий батон и чашку горячего кофе и быстрым шагом направились к тому маленькому магазинчику.

В магазине было тепло и уютно. Настя разбирала товар на стеллажах. Увидев входящего Игоря с кофе в руках, она удивилась:

— Так быстро распродал?

— Ага, восемьсот рублей выручил! — Игорь сиял. Он протянул ей кофе. — Обещал же угостить. Пей, пока горячий, согрейся.

Настя посмотрела на его чумазое лицо, отмороженные уши и на тёплую чашку в своих руках. На душе у неё потеплело. Этот бедный парень любит покрасоваться, но слово держит и делом крепок. Она взяла кофе и тихо поблагодарила:

— Спасибо, Игорь.

Они поболтали несколько минут. Игорь рассказал о своей

жизни и о мечте купить квартиру. Настя прониклась к нему ещё больше — у него есть цель, он не боится труда и совсем не похож на здешних бездельников. Боясь, что отвлекает Настю от работы, Игорь нехотя попрощался.

Вышел из магазина — на улице по-прежнему лютый холод, но на душе было тепло, и в голове кипела энергия. Первый куш в Воркуте сорван, девушка по сердцу встречена — всё идёт как нельзя лучше.

— Семён, жми дальше! Восемьдесят тысяч наскребём быстро. Настю я точно отобью. Заживём мы в Воркуте — лучше не надо! — Игорь смотрел вдаль твёрдым взглядом, голос звучал уверенно.

Разруха, мороз, завывание вьюги — а для Игоря на этой промёрзшей земле уже проклюнулся росток надежды. Его путь — «левые» честные заработки, своя квартира и любимая девушка — только начинался. Впереди ждали и трудности, и холод, и радость, и сладость побед. Но отступить он не собирался. Он решил пробить себе дорогу на этой земле у самого Полярного круга.

Глава 2. Жильё в заброшенном доме

В Воркуте ветер, кажется, не стихает никогда.

Раннее утро. Туман с мельчайшей снежной крупой лепится к лицу — сыро и холодно. Солнце не в силах пробить серую пелену. Весь город погружён в немую студёную тишину. В той тесной и тёмной комнатушке, где ютились Игорь и Семён, стены дышали ледяным холодом. Они вдвоём закутались в одну куртку на продавленной кровати, вторая половина ночи почти не спали: замёрзнут — разотрут друг другу руки, закроют глаза и терпят до рассвета. В голове у Игоря без конца крутилось одно: заработок, квартира, улыбка Насти. Он то задремлет, то проснётся, а под конец и вовсе бросил пытаться заснуть — несколько часов кряду просидел в телефоне.

Из вчерашних восьмисот рублей, после того как купили два батона хлеба, палку колбасы, две чашки кофе и оставили мелочь на воду, у Игоря оставалась всего какая-то сотня с небольшим. Он аккуратно сложил купюры, сунул во внутренний карман нательной одежды и приколот булавкой — как бы не потерять. Это был их первый заработок в Воркуте. Не бог весть какие деньги, но они походили на маленькую

мечту, на веру в то, что в этом замёрзшем пекле можно выбиться в люди.

Едва начало светать, Игорь осторожно растолкал Семёна — чтобы не разбудить вздорную старуху-хозяйку этажом ниже. Семён протёр глаза, зевнул во весь рот, и изо рта тут же повалил пар. Он весь сжался, натянул воротник куртки повыше, уткнув в него половину лица.

— Игорёк, мы сегодня опять на шахты за хламом? — голос у Семёна был хриплый, заспанный. Руки-ноги закованели, когда он спустил ноги с кровати на ледяной пол, его перекосило от боли.

Игорь уже кое-как пригладил волосы и сполоснул лицо ледяной водой — его передёрнуло, но он мгновенно проснулся. Он покачал головой, и во взгляде его появилась лихорадочная решимость. Он присел на корточки перед Семёном и заговорил вполголоса:

— С хламом слишком медленно получается. Двести-триста рублей в день — когда мы до восьмидесяти тысяч дотянем? Надо придумать что-то побыстрее. Я тут в телефоне увидел объявление. Мужик продаёт квартиру. Ровно за восемьдесят тысяч. Правда, на отшибе и убитая, но наша. Как только наскребём нужную сумму — переедем в своё, и не

придётся больше ютиться в этой конуре.

У Семёна глаза на лоб полезли, сон как рукой сняло. Рот открылся так, что туда можно было закатать яйцо:

— Восемьдесят тысяч? Игорёк, у нас и десятой доли нет! Ты где такую квартиру нашёл? Не смейся! Мы уже за следующий месяц не знаем чем платить, а он про квартиру

— Никаких шуток, — Игорь говорил очень серьёзно и хлопнул Семёна по плечу. — Я в сети увидел. На западе города, в заброшенном жилом квартале. Старая советская пятиэтажка. В целом доме — одна квартира жилая. Пятый этаж. Без отделки, без воды и света. Но хозяину позарез нужно продать, цена фиксированная — восемьдесят тысяч, ни рублём меньше. Место глухое, жутковатое, зато дёшево. Это наш единственный шанс. Упустим — больше квартиру за восемьдесят ни за что не найдём.

Семёна пробрала дрожь. «Заброшенный квартал», «весь дом пустой», «без отделки», «без воды и света» — от этих слов у него в голове сразу возник образ «дома с привидениями». Он аж побелел:

— Ты серьёзно? Там же никто не живёт Как в фильме ужасов. Мы там со страху подойдем. А денег-то нет, восемьдесят

тысяч — где мы такие деньжищи возьмём?

— Нет денег — займём, — Игорь стиснул зубы, в глазах — отчаянная решимость. — Я всю ночь думал. У матери моей был любовник после того, как она с отцом рассталась. Зовут дядей Володей. Хоть мы с ним и не родственники, за те два года, что он с мамой встречался, мы с ним поладили. Говорят, он сюда, в Воркуту, перебрался, бизнес какой-то открыл. Мать с ним давно рассталась, но вдруг Володя уже заколачивает неплохо? Несколько часов назад я нашёл его страницу в VK, связался с ним. Он сказал, я буду рад видеть, заходи на его лоток. Давай сходим на рынок к дяде Володе. Он сам из Челябинска, как мы. Мужик не злой, но любит поживиться за чужой счёт. Объясню ему наши дела. Возьму в долг восемьдесят тысяч — считай, как плату за два года, что я ходил у него в «крёстных сыновьях». Добавим к этому то, что у нас уже есть, ещё чуть-чуть наскребём — хватит и на дорогу, и на квартиру. Напишем расписку, заработаем — вернём с процентами. А если не одолжит — придумаем что-то другое. Но квартиру мы взять обязаны.

Семёну было страшно. Страшно влезать в долги и боязно даже думать о той жуткой заброшке. Но он привык во всём слушаться Игоря. Увидев его уверенный взгляд, он проглотил готовые сорваться слова отказа и кивнул, спросив дрожащим голосом:

— Ладно, будь по-твоему. Игорёк, только не обмани меня. Если не отдадим долг — нам обоим в Воркуте не выжить. Слушай, а из-за чего твоя мать с дядей Володицей рассталась?

— Не бойся, — ответил Игорь. — Моя мать ему изменила, меня это не касается. Мать сдала меня, отец бросил. А в те два года Володя хоть и не был мне родным отцом, но относился хорошо. Я заработаю и отдам. Наша жизнь будет лучше, чем сейчас. — Он хлопнул себя ладонью по груди, подбадривая и товарища, и себя самого.

Они быстро собрались: сунули нехитрые пожитки в вещмешок, заперли дверь съёмной комнаты и поспешили на рынок. С утра там было ещё безлюднее, чем вчера, ветер окреп. Продавцы попрятались в палатки, утеплённые ватниками, наружу никто не высовывался. Лишь несколько старушек, пришедших за продуктами с самого утра, неторопливо выбирали овощи.

Игорь сразу заприметил лоток дяди Володи. Вчера тот не торговал, а сегодня специально вышел пораньше — ждал Игоря. Его лоток стоял в самом конце рынка: продавал подержанную мебель и старые детали, что собирали в шахтах. Дяде Володе было под шестьдесят, волосы седые, лицо в морщинах, руки шершавые — сразу видно, всю жизнь работает грубо. Сейчас он сидел на корточках перед прилавком

и чинил старый разводной ключ.

— Здравствуйте, дядя Володя. Давно не виделись, — Игорь, таща за собой Семёна, зашагал быстрее, натянул на лицо радушную улыбку и протянул сигарету — вчерашнюю, одну из оставшихся.

Дядя Володя поднял голову, взглянул на них, взял сигарету, сунул в рот, прикурил от зажигалки, затянулся и неторопливо молвил:

— А, это ты, парень. Наконец-то пришёл. Чего ж ты несколько дней назад, как в Воркуту приехал, мне сразу не сказался? Слышал от людей, вы вчера с рук на улице торговали?

— Дядя Володя, годы тебя тоже не щадят. Но мы с тобой по-старому, — Игорь говорил тихо, очень уважительно. Он присел рядом с лотком, увлекая за собой Семёна, и вполголоса выложил всё как на духу: про квартиру, про своё положение. — Дядя, нам с Семёном больше некуда податься. Очень хочется иметь свой угол. Квартира хоть и развалюха, но это наша мечта. Одолжите нам, пожалуйста, восемьдесят тысяч рублей. Мы напишем расписку: в течение трёх месяцев вернём с процентами — девяносто тысяч. Мы обязательно заработаем, ни дня не просрочим. Помогите нам, дядя.

Семён рядом закивал, глядя на дядю Володю умоляющими глазами.

Дядя Володя выслушал, затаился, помолчал. Взгляд его перебегал с Игоря на Семёна и обратно, а у тех душа в пятки ушла. После того как Володя расстался с матерью Игоря, он махнул на всё рукой и проторчал в Воркуте много лет, один-одинёшенек. За эти годы он повидал уйму приезжих, все они искали лучшей доли: кто пару дней продержится, кто уедет. А такие как Игорь — просит в долг, чтобы купить квартиру в заброшенном доме, — первый.

— Удалые вы парни, ничего не скажешь, — наконец заговорил дядя Володя хрипло. — Та квартира, про которую вы толкуете, — это в западном районе, да? Знаю я тот дом. Он у нас «пятой хрущёвкой» зовётся. Там давно никто не живёт. После развала Союза часть шахт закрыли, все оттуда разъехались. Это уже считается «околоворкутинской пустошью». Из всего дома осталась одна квартира, которую государство не изъяло. Ни воды, ни света, по ночам темень хоть глаз выколи — настоящий дом с привидениями. Вы и вправду туда заселиться хотите? И потом, восемьдесят тысяч — не шальные деньги, я сам торгую по мелочи. Если вы не отдадите — с кого мне спрашивать? С твоей матери, что ли?

— Дядя, мы не боимся, — заторопился Игорь. — Пусть развалюха, пусть страшная, зато своя. Всё лучше, чем снимать углы. Мы обязательно вернём долг. Будем крутиться, браться за любую работу, за которую другие не хотят: барахло перепродавать, бегать по поручениям, помогать людям. Мы заработаем. Поверьте нам один раз. Мы дадим расписку, поставим отпечатки пальцев — обмана не будет.

Дядя Володя снова помолчал, глядя на упрямый взгляд Игоря, потом на простодушное лицо Семёна. Вспомнил, как сам когда-то начинал в Воркуте — так же трудно, без чужой помощи. На душе у него потеплело. Он затушил сигарету, поднялся, вытащил из-под прилавка, из железной коробки, холщовый мешочек, развязал. Там лежали пачки рублей — всё мелкими купюрами, видно было, что заработано потом и кровью.

— Ладно, один раз в жизни поверю. Всё-таки я два года твоим отчимом был, — сказал дядя Володя, отсчитал восемьдесят тысяч и протянул Игорю. Голос его стал строгим: — Расписку пиши сейчас же, с отпечатками. Три месяца, девяносто тысяч, ни рублём меньше. Просрочите — выгоню, квартиру заберу назад. Поняли?

У Игоря от волнения задрожали руки. Он взял деньги, пересчитал — ровно восемьдесят тысяч. Тут же выпросил у

дяди Володи бумагу и ручку, дрожащей рукой написал долговую расписку: взял восемьдесят, обязуюсь вернуть девяносто через три месяца, поставил подпись, заставил Семёна приложить палец. Отдал расписку дяде Володе.

— Спасибо вам, дядя, большое спасибо, — Игорь низко поклонился Володе. Семён тоже поклонился. У обоих на глазах выступили слёзы. В чужом промёрзлом краю, когда кто-то протягивает руку помощи, это дороже всего.

Дядя Володя убрал расписку и махнул рукой:

— Хватит болтать пустое. Работайте, живите по-человечески. Не будьте как те алкаши. В Воркуте честное слово дороже денег. Хозяин той квартиры — мой знакомый. Я сейчас позвоню ему, скажу. Можете ехать. Но предупреждаю: место небезопасное. Ночью носа на улицу не кажите. Будьте осторожны.

Игорь закивал, Семён бережно принял деньги, прижал к себе, будто целый мир обнял. Они ещё сто раз поблагодарили дядю Володю и зашагали в западный район — в заброшенный квартал.

Тот район находился на самой окраине Воркуты, недалеко от шахт, зато далеко от рынка и от жилых массивов. Чем

дальше они шли, тем больше встречалось развалюх, а потом и вовсе исчезли прохожие. Кругом — сугробы, брошенные машины, рухнувшие заборы. Кусты и бурьян занесены снегом. Вокруг ни души, даже птицы не пели. Тишина стояла жуткая, только ветер выл в ушах — будто кто-то плакал.

Они брели почти час, пока наконец не увидели ту самую многоэтажку.

Это была пятиэтажная советская «хрущёвка». Всё здание — из серого бетона, штукатурка обвалилась огромными кусками, обнажая красный кирпич. Стены в трещинах, казалось, вот-вот рухнут. В большинстве окон не осталось стёкол — зияли чёрные проёмы, похожие на пустые глазницы, которые уставились на путников. Во всём доме не было ни огонька, ни малейшего признака жизни. Кругом лежали глубокие сугробы, деревья вокруг стояли голые, их кривые ветви раскачивались на ледяном ветру. Вид был мрачный, жуткий — точь-в-точь дом с привидениями, как и говорил Игорь.

— И-и-Игорёк э-это и есть наша квартира? — Семён прижимал к себе деньги, ноги у него подкашивались. Он жался к Игорю, голос дрожал, а сам то и дело озирался по сторонам, всё чудилось, что в этом доме кто-то прячется. — Жуть какая! Ночью тут точно не уснёшь. Может, ну его? Вернём деньги дяде Володе и не будем покупать

— Мы уже здесь, — ответил Игорь. На душе у него тоже скребли кошки — уж больно зловещая была постройка. Но он стиснул зубы и крепче сжал пачку с деньгами. — Не бойся, я с тобой. Дом пустует давно, оттого и кажется страшным. Как заживём, приберёмся — сразу теплее станет, и страх пройдёт. Пошли, посмотрим наверху.

Игорь потянул Семёна внутрь. Входной двери на первом этаже давно не было — зиял пустой проём. Внутри — хоть глаз выколи. В нос ударил запах плесени, пыли и гнили. Оба закашлялись. В подъезде ни одной лампочки, стены в граффити, грязных потёках и каких-то тёмных разводах. Перила проржавели насквозь. Ступени скрипели и стонали под ногами — «ирр-ик, ирр-ик» — в мёртвой тишине каждый звук отдавался в ушах, будто наступаешь на кости.

Они пробирались на ощупь, ступенька за ступенькой. Лестницы были завалены пылью, снегом, мусором — с каждым шагом поднималось целое облако. Первый этаж, второй, третий, четвёртый — везде одно и то же: пустые дверные проёмы вместо дверей, тёмные комнаты, забитые хламом и снегом. Ни души, ни огонька — жуткая гнетущая пустота. Семён вцепился Игорю в рукав, боялся голову поднять, дышал через раз — слёзы уже подступали.

Наконец — пятый этаж.

На площадке — две квартиры. Напротив дверь давно выломана, в комнате — сугробы и кучи мусора. А та, что продавалась — двадцать пятая — была слева. Дверь ещё держалась, хоть и старая, деревянная, краска облезла, вся в царапинах. Замок ржавый. Игорь протянул руку, хотел постучать, но нажал чуть сильнее, и незапертая дверь сама отворилась. На пороге стоял хозяин и смотрел прямо на них. Всё это было жутковато до мурашек.

Они вошли, поздоровались. Из квартиры пахло ещё более густой плесенью и пылью. Внутри — хоть глаз выколи. Хозяин достал из кармана зажигалку, высек огонёк — слабое пламя осветило то, что их окружало.

Это была стандартная советская «однушка» — однушка. Общая площадь — примерно сорок квадратов. Безо всякой отделки — «бетонный вариант». Пол — грубый цемент, весь в выбоинах. Стены — серый бетон, кое-где трещины, на потолке следы протечек. Ни воды, ни электричества, ни батарей — ничего. Пустая коробка. Но она была их собственной.

Хозяин держал зажигалку, медленно шёл по квартире и показывал, что к чему. Голос его звучал в пустых комнатах с лёгким эхом.

— Видите, — говорил он, — вход — сразу прихожая, она же и кухня. Не маленькая. Со временем принесёте мебель — поставите здесь стол, будете есть и отдыхать.

Он показал на угол, где валялись строительные отходы — битый кирпич, обломки досок.

— Дальше — комната. Примерно двадцать квадратов — вам двоим хватит. Приберётесь, поставите кровати — и спите. Вон там, за комнатой, ещё балкончик — отсюда вид на снега. И тут, у входа, кладовка — для вещей. Хоть и развальяха, но планировка хорошая. Жить можно.

Семён понемногу поднял голову, осмотрелся. Да, развальяха, да, жутковато. Но это уже было их место. Не надо больше смотреть на кислую мину хозяйки, не надо жаться в вонючей каморке. Страх потихоньку отпускал, а вместо него проступало что-то тёплое, своё. Он кивнул и сказал Игорю:

— Да, похоже, это наш дом. Приведём в порядок — заживём.

— Верно, наш дом, — Игорь улыбнулся, глаза его блестели. Он вынул из-за пазухи деньги — все восемьдесят тысяч — и на месте подписал с хозяином договор купли-продажи.

Деньги перешли из рук в руки. Хозяин, получив своё, не сказал ни слова, развернулся и ушёл — ему не было никакого дела до того, как они будут жить в этой развалине. Игорь и Семён вернулись в квартиру, притворили дверь. Замка не было, но они подпёрли косяк толстой палкой — так, чтобы никто снаружи не мог войти. Огонёк зажигалки почти догорел. В последних проблесках света они кое-как сгребли мусор в комнатах, вымели снег в угол. Можно считать, обжились.

Но что толку в голых стенах? Ни воды, ни света, ни мебели — жить нельзя. А тут ещё долг дяде Володе: восемьдесят тысяч взяли, через три месяца отдавать девяносто. Давило как камень. Надо было срочно идти в «серую» работу, крутиться, заколачивать деньги — и на погашение долга, и на обустройство квартиры.

Игорь уже продумал пути, как заработать побыстрее, чем на металлоломе. Всё это были дела, за которые местные не хотели браться или считали ниже своего достоинства, но они приносили живые деньги.

Первое. В Воркуте ещё работала только одна крупная государственная шахта — «Воркутауголь». Шахтёрам всегда нужны ходовые товары: сигареты, водка, тёплые перчатки, носки. В шахтных ларьках они дорогие. А на чёрном рын-

ке на окраине есть барыги, которые толкают левый товар — нелегальные сигареты, перчатки, носки по сходной цене. Игорь мог брать там товар и перепродавать шахтёрам напрямую — с наценкой. Но ещё лучше он придумал другое: купить махорку, подмешать в неё сухих листьев, завернуть в самокруточную бумагу — и продавать как дешёвые сигареты. Себестоимость — копейки.

Второе. На южной свалке Воркуты люди выбрасывают старую мебель, бытовую технику, всякую утварь. Всё это грязное, сломанное, но многие вещи можно отремонтировать и использовать. А это значило, что для обустройства квартиры не придётся тратить ни рубля.

Третье. В городе полно алкашей и шахтёров — они постоянно теряют инструменты, документы. Игорь мог браться за поиски, за доставку, за мелкие поручения. Присмотреть за лотком, пока продавец отошёл, перетащить груз — за всё платят.хлопотно, утомительно, зато деньги идут быстрее.

В тот же день после обеда Игорь оставил Семёна в квартире — пусть хоть немного приберётся, а сам, сунув в карман последние оставшиеся мелочи, отправился на чёрный рынок в шахтёрском районе. Тот рынок прятался в заброшенном цехе, место глухое. Чтобы его найти, надо было спрашивать местных и брать ориентир на табачную лавку. Внутри народу было немного, все торговали шёпотом, бояз-

ливо оглядываясь: продавали сигареты, водку, шахтёрский инструмент и всякую рухлядь. Игорь поторговался с барыгами, взял десять пачек дешёвых сигарет без документов, пять маленьких бутылок самогона неизвестной марки и двадцать пар тёплых перчаток — себестоимость копеечная. После этого он сразу побежал к воротам шахты и начал сбывать товар рабочим, которые только что сменились.

Шахтёры после смены — замёрзшие, вымотанные — мечтают только о сигарете и рюмке. Увидев, что у Игоря цены вдвое ниже, чем в ларьках, они мигом расхватили всё. Не прошло и часа — ни сигарет, ни водки, ни перчаток не осталось. Игорь выручил полторы тысячи рублей. Гораздо быстрее, чем с металлоломом! Чутьё подсказало: это то, что надо. Он сбегал на рынок ещё раз, опять взял товар и продал его новой партии шахтёров. За несколько часов оборота он поднял целых три тысячи. И это ещё не всё: пока он толкался у шахты, несколько человек попросили помочь с перевозкой угля и инструментов на тачке — он согласился, получил ещё пятьсот рублей. К вечеру у него в кармане лежало три тысячи пятьсот рублей. Это был самый успешный день с тех пор, как он приехал в Воркуту.

Сердце колотилось от радости. Деньги грели карман, но Игорь помнил: они нужны и для обустройства дома. Он сразу же двинул на самую большую свалку Воркуты — добывать

мебель и утварь.

Свалка находилась за городом, громадный полигон, где горы мусора громоздились одна на другую. Тут валялось всё: бытовые отходы, строительный хлам, старая мебель, разбитые холодильники и телевизоры. Ветер поднимал в воздух бумагу и пакеты, было грязно и тоскливо. Нормальный человек туда и за версту не подойдёт. А Игорю было всё равно — лишь бы найти полезные вещи.

Он принялся рыться в горах отбросов. Сначала откопал старый деревянный стол — столешница треснута, но ножки целые, можно починить. Потом две деревянные табуретки — сиденья прорваны, но если обмотать верёвкой — сидеть можно. Дальше нашёл покосившийся шкаф — одной дверцы не хватает, но вешать одежду внутрь вполне реально. Ещё один пружинный матрас — грязный, но без дыр, постираешь чехол — и спать на нём хоть сейчас. И даже выдавшую виды чугунную сковороду, несколько глиняных мисок и старую ложку — всё брошенное, но после мытья будет как новое. А главное — нашёл солнечный пауэрбанк! Игорь сразу придумал: днём будет заряжать его в какой-нибудь кофейне, а вечером — питать телефоны и другую мелочь.

Игорь позвонил Семёну, и они вдвоём начали перетаскивать добычу в квартиру. Туда-сюда, туда-сюда — сгоняли раз

шесть-семь. Каждый круг — больше часа пешком по сугробам. Оба взмокли, перепачкались в мусоре и пыли. Но усталости словно и не было: с каждой новой вещью дом становился чуточку уютнее.

Работали так: Семён оставался в квартире, прибирался, а Игорь таскал всё снизу вверх. Семён кое-как соскребал снег с пола, протирал стены и углы тем же снегом, выметал мусор на лестницу, а потом вниз. Воды нет, электричества нет, а в комнатах стало заметно чище, и тот жутковатый налёт «дома с привидениями» понемногу рассеивался. Игорь тем временем таскал и таскал находки на пятый этаж.

Закончили только к утру следующего дня.

В ранний час в подъезде было темно, хоть глаз выколи. Холодный ветер задувал в щели разбитых окон, выл и завывал — прямо похоронная музыка. Семён от страха забился в угол, боялся пошевелиться. Игорь достал найденную на свалке зажигалку, насобирав сухих веток и щепок (тоже мусорных) и сложил маленький костёр в углу комнаты. Жидкое пламя разогнало тьму, дало немного тепла. Жутковатая атмосфера развеялась.

Вдвоём они принялись расставлять мебель.

Стол поставили посередине комнаты, табуретки — по бокам. Покосившийся шкаф придвинули к стене у входа — повесили туда свою одежду. Матрас бросили на пол в спальне — вот и кровать. Сковороду, миски и ложку положили на стол — всё потерятое, в царапинах, но когда стоит вместе, уже напоминает настоящий дом.

Игорь нашёл на свалке кусок полиэтиленовой плёнки и затянул ею оконные проёмы вместо стёкол. В комнате сразу стало заметно теплее.

Когда управились, оба без сил рухнули на табуретки. Грязные, мокрые, уставшие — но смотрели на своё новое жилище с гордостью. И пусть оно было развалюхой, пусть грязное и тёмное — зато своё.

Семён не выдержал, улыбнулся, глаза покраснели:

— Игорёк у нас есть дом. Правда есть. Больше не надо ночевать в вонючих углах.

— Да, есть дом, — Игорь тоже улыбнулся. Но тут же вспомнил о долге — восемьдесят тысяч, через три месяца отдавать девяносто — и улыбка сползла с лица, взгляд омрачился.

Семён тоже помрачнел, вздохнул:

— А как же долг дяде Володе? За три месяца нужно девяносто тысяч отдать Ты сегодня заработал три с половиной тысячи, а надо ещё почти восемьдесят пять. Когда мы столько наскребём? Если не отдадим — квартиру заберут, и мы опять на улице окажемся, как в девяностые

Игорь помолчал, стиснул зубы, сжал кулаки. Давление было чудовищное. Взять в долг на квартиру — отчаянный шаг. Теперь жильё есть, но долг висит дамокловым мечом. Однако отступать было некуда.

— Не ной, — твёрдо сказал он. — Будем каждый день крутиться: бегать на шахту, на чёрный рынок, помогать людям. Больше зарабатывать, меньше тратить — и отдадим. Нельзя сдаваться. Это наш дом, и мы его отстоим.

В этот момент дверь вдруг тихонько стукнула — раз, другой. «Тук-тук». В мёртвой тишине заброшенного дома этот звук прозвучал особенно резко. Семён подскочил на табуретке и юркнул за спину Игоря, лицо блее снега:

— К-кто там? Откуда тут люди?

У Игоря тоже ёкнуло сердце. Он схватил палку, насторо-

женно уставился на дверь и громко спросил:

— Кто?

Снаружи раздался звонкий, чуть с хрипотцой женский голос — Настин:

— Это я, Настя. В городе люди болтают, что двое приезжих парней купили квартиру в самом глухом месте. Я сразу поняла, что это вы. Решила зайти, поведать. Как вы тут?

Игорь облегчённо выдохнул, внутри всё смешалось — удивление и радость. Он отбросил палку и распахнул дверь.

На пороге стояла Настя. В руках у неё был холщовый узелок — там лежали хлеб, колбаса и бутылка с горячей водой. На ней была красная куртка — в чёрном мраке жуткого дома она казалась ярким огоньком. Она оглядела комнату: маленький костёр, натащенную со свалки мебель, грязных и измождённых Игоря с Семёном. На душе у неё защемило.

— После работы услышала — весь город судачит, что вы денег в долг набрали и эту халупу купили. Подумала, вам страшно тут одним. Решила заглянуть, принесла вам поесть. — Настя вошла, поставила узелок на стол и окинула взглядом убогое жильё. — Ну и развалюха! Ни воды, ни света Как

вы тут жить собираетесь?

— Ничего, постепенно обустроимся, — Игорь почесал затылок, ему стало неловко. Сейчас он был грязным и оборванным, не хотелось, чтобы Настя видела его в таком виде. — Сегодня немного заработали, мебель кое-какую нашли перебить можно. Только долг гнетёт.

Настя поглядела на их осунувшиеся лица и поняла, как им тяжело. Она достала из узелка хлеб, колбасу, налила в две миски питьевую воду и поставила на стол:

— Знаю, что трудно. Долг — дело наживное, не торопитесь. Вы парни работающие — отдадите. Я вам поесть принесла. Ешьте, не голодайте. А если что понадобится — приходите в магазин. Чем смогу — помогу.

Игорь и Семён смотрели на хлеб, колбасу, горячую воду на столе, потом на Настю. В душе у обоих потеплело. В чужом промёрзшем краю, кроме друг друга, нашёлся хоть один человек, которому они не безразличны. Это тепло было дороже любых денег.

В пугающем «доме с привидениями», где раньше было только двое, теперь появился живой человек. Жуть рассеялась окончательно, осталась лишь лёгкая, почти домашняя

уютность.

Втроем они уселись за найденный на свалке стол. На столе стояли те самые глиняные миски, чугунная сковорода и припасы, принесённые Настей. Огонь в костре мерцал, бросая блики на их лица.

Игорь, Семён, Настя — трое обычных людей, которые пытались выжить в Воркуте. В этот момент, в этой заброшенной советской развалюхе, в этой ледяной квартире, где из жильцов были только они трое, они ненадолго расслабились.

Квартира — без отделки, мебель — со свалки, еда — хлеб да колбаса. Но это был их первый дом в Воркуте.

Правда, глядя на скудную снедь и вспоминая тяжёлый долг, и Игорь, и Семён чувствовали на плечах тяжёлый груз.

Игорь откусил кусок хлеба — сухого, безвкусного. Но про себя он поклялся: заработать как можно скорее, отдать долг, привести квартиру в порядок, чтобы Настя не волновалась, чтобы они с Семёном наконец твёрдо встали на ноги в этом затерянном за Полярным кругом городишке.

За окном по-прежнему выл ветер, «дом с привидениями» оставался мрачным и зловещим. Но внутри всё ещё горел

маленький костёр, и три человеческие фигуры сидели рядом в его мерцающем свете. Впереди — трудности, долги, безысходность. Но они не сдавались.

Это было их пристанище, их первый шаг на воркутинской земле. Перед ними маячила тяжёлая расплата, но в глазах уже теплилась надежда на будущее. Холодные стены, скудная еда — а в них поселилась самая простая и важная мечта: жить своим домом.

Глава 3. Крайний холод сковал город

Через несколько дней, в конце января, Воркута и без того никогда не отличалась мягкостью, но в этом году мороз пришёл особенно лютый, особенно пронзительный.

Местные синоптики уже за три дня начали бить тревогу: со стороны Арктики надвигается мощнейшее похолодание, которое накроет весь город. Температура упадёт до минус сорока двух — это самый сильный мороз за последние десять лет. Власти заранее разослали предупреждение: всем оставаться дома, без крайней необходимости не выходить на улицу. Шахты временно закрыли, рынок не работал, даже самый стойкий маленький магазинчик сократил часы работы. Вся Воркута словно впала в ледяную спячку. Ветер выл так, будто норвил разорвать всё на части.

Игорь проснулся на рассвете от холода. Не от обычного, а от того лютого, что пробивает даже ватник, заползает под кожу, леденит кровь. Как ни жались они с Семёном на старом матрасе, как ни кутались в две куртки и сверху в рваное одеяло — всё равно околели. Руки-ноги словно чужие, дышать больно: каждый вдох режет горло ледяными иглами.

Он открыл глаза. В комнате — полумрак, ни света, ни тепла. От костра, который жгли вчера, осталась только кучка холодного пепла. За окном ветер носился как обезумевший, с рёвом бил в затянутые полиэтиленом рамы. Плёнка ходила ходуном, в щели без конца задувало пронизывающим холодом — лицо словно иголками кололо.

— И-и-горёк хо-хо-лодно-то как — Семён съёжился в комочек, зубы выбивали дробь, голос трясся, лицо посинело, даже на бровях выступил тонкий иней. — Э-это в десять раз холоднее, чем на днях Мы тут не замёрзнем?

Игорь с трудом поднялся. Каждое движение отдавалось ломотой в окоченевших костях. Он растёр непослушные ладони, выдохнул облачко пара — ветер тут же развеял его. Провёл ладонью по стене. Бетонная стена была ледяной — от одного прикосновения занемели кончики пальцев. Пол и вовсе промёрз насквозь: ступишь — холод поднимается от пяток до макушки.

Он глянул в окно. Свинцово-серое небо нависало низко-низко. Снег валил не хлопьями, а бил как дробь — густой, колючий, сплошной стеной. Ветер швырял его в стены дома, и те глухо гудели. Видимости — не больше пяти метров. Пятиэтажка торчала посреди заснеженной пустоши одинокой

сиротой, заваленная сугробами по самые окна, точно забытый всеми остров. А они с Семёном — замёрзшие робинзоны на этом острове.

— Я по телефону смотрел прогноз. Минус сорок два. Самые холодные три дня начинаются сегодня, — голос Игоря тоже звучал продроюще. Он стиснул зубы, заставляя себя не паниковать. При такой температуре, если не найти способ согреться, не то что три дня — одного не протянуть. — Надо немедленно законопатить все щели, чтобы ни сквознячка. И искать чем топить. Иначе мы оба тут окоченеем. Настя мне писала, что собиралась зайти на днях. Если она сегодня сунется — тоже замёрзнет.

У Семёна от страха слёзы навернулись. Одно это число — минус сорок два — уже заставляло волосы дыбом вставать. Он кое-как поднялся, руки-ноги не слушались:

— К-как затыкать? У нас нет ни скотча, ни гвоздей — одна плёнка. Ветер такой сильный, её всё равно срывает. И дров почти не осталось. Вчера мы насобирали немного сухих веток да угольной крошки — последнее догорает.

— Нет так нет, будем выкручиваться. Сидеть сложа руки нельзя, — Игорь встал, заходил по комнате, заставляя кровь разгоняться. Быстро окинул взглядом эту однокомнат-

ную квартиру-«бетонку», остановился на дверях, окнах, вентиляционных отдушинах — оттуда дуло сильнее всего. — Будем затыкать всем, что найдём: тряпки, верёвки, старые газеты, даже снег — всё пустим в дело. Сначала заткнём щели, потом спустимся вниз и насобираем досок, угольной мелочи — они долго горят, тепла дадут больше.

Сказано — сделано. Игорь достал немногочисленную одежду, выбрал две самые рваные вещи, разодрал их на полосы. Всю найденную на свалке бумагу и тряпьё сгрёб у окна. Окна были старые, деревянные, стёкол давно не осталось — только полиэтиленовая плёнка. Ветер надувал её пузырьём, она трещала по швам, и холод сочился отовсюду: из щелей между рамой и стеной, из-под самой плёнки.

Игорь велел Семёну придержать полиэтилен, а сам принялся затыкать каждую дырочку: совал тряпки, бумагу, утрамбовывал плотно-наплотно, чтобы ни зазора. Потом обвязал плёнку веревками, намотал виток за витком, чтобы не сорвало ураганом. То же самое сделали с дверью на маленький балкончик — всё, что было, запихали в щели, закупорили так, что и воздуху не пройти.

Потом взялись за входную дверь. Ветхая деревяшка вся в щелях, оттуда тянуло невыносимо. Игорь затолкал в каждую щель остатки тряпок и даже немного ваты, которую вы-

тянул из подкладки собственной куртки. А напоследок подпёр дверь толстой палкой, чтобы не только холод не лез, но и ветром не распахнуло.

В углу туалета обнаружилась старая вентиляционная отдушина — давно заржавела наглухо, но холодом оттуда все равно тянуло. Игорь приладил к ней найденный кусок доски, а сверху привалил мокрым снегом, закупорив отдушину намертво.

Они провозились целый час. Оба взмокли от пота, но пот выступал и тут же превращался в ледяную корку, липла к телу холодная мерзость — хуже не придумаешь. Однако труд не пропал даром: когда заткнули все щели, сквозняк ослаб в разы. В комнате больше не стоял тот лютый холод, от которого ноги подкашивались. По-прежнему морозило, но стало гораздо легче — хотя бы можно стоять, дышать нормально.

Заделали окна и дверь — теперь надо решать вопрос с теплом. Дрова и уголь — вот что важнее всего.

С вечера осталась горстка сухих веток — на полчаса горения, не больше. На три дня такого жёсткого мороза этого кот наплакал. Игорь взял в руки палку и сказал Семёну:

— Ты сиди в комнате, следи, чтобы холод не лез обратно. А я спущусь вниз и в соседнюю заброшку — наберу досок,

угольной мелочи, сушняка. Они долго горят, на много часов хватит. Я быстро, далеко не уйду.

— Игорёк, на улице минус сорок два! Ты там замёрзнешь насмерть! — Семён вцепился в него, на лице тревога. — Опасно же! Ветер какой, снег Если с тобой что случится, я тут один что делать буду?

— Не бойся, я тепло оделся. Быстро сбегая, минут через десять вернусь. — Игорь похлопал Семёна по руке, застегнул кожаную куртку потуже, натянул шапку почти на глаза, оставив только узкую щёлочку. — Надо добыть дрова, иначе мы оба окоченеем. Жди меня. Я мигом.

С этими словами он отодвинул палку, подпиравшую дверь, и осторожно приоткрыл щель. В тот же миг в комнату ворвался ураганный ветер со снежной крупой. Игоря качнуло, холод облепил его всего, словно сотни ледяных ножей вонзились в кожу. Стиснув зубы, он вывалился наружу, захлопнул за собой дверь и снова подпёр её палкой.

Снаружи мир превратился в снежное пекло.

Ветер выл и завывал, снег хлестал по лицу так, что глаза не открыть. Тридцать градусов, нет — минус сорок два! Воздух, казалось, застыл. Каждый шаг давался с невероятным

трудом. Сугробы выше колен — ногу вытаскиваешь с мукой. Ледяной мороз пронзил куртку за секунды. Руки-ноги сразу перестали слушаться, уши, нос — всё онемело, ничего не чувствуешь.

Игорь не смел мешкать. Он быстро добежал до первого этажа, начал рыться в заброшенной лестничной клетке. Нашёл старые доски, обломки мебели, угольную мелочь, оставшуюся от шахт — всё это горело долго и жарко. Сгрёб руками и ногами, что мог унести, завернул в найденную же тряпицу, взвалил на плечо — и бегом наверх. Ни секунды лишней.

Десять минут на улице показались вечностью. Когда Игорь вернулся в комнату, он весь обледенел: брови, ресницы, волосы — всё побелело от инея, губы посинели, тело одеревенело, он едва не рухнул на пол. Семён подскочил, подхватил его, снял с плеча ношу.

— Ж-живо разводи огонь — Игорь выговаривал слова с трудом, его трясло. Семён усадил его на матрас, принялся растирать руки, лицо — возвращать чувствительность.

Когда Игорь немного отошёл, они вдвоём разожгли костёр в углу комнаты. Доски, угольная мелочь, сухие ветки — всё пошло в огонь. Пламя разгоралось всё ярче, оранжевый свет

залил тёмную комнату. Тепло медленно расползлось, вытесняя ледяной холод. Окоченевшие тела начали оттаивать, кровь снова побежала по жилам.

Костёр горел ровно и сильно. Доски и уголь не требовали постоянной добавки. В комнате стало заметно теплее. Пусть температура всё равно была ниже нуля, не сравнить с нормальной батареей, но для того, чтобы пережить этот лютый мороз, этого хватало. Замёрзнуть насмерть они больше не боялись.

С теплом разобрались — следующий вопрос: еда. Экономить и искать пропитание стало важнее всего.

Из денег у них оставалось вчерашних три с половиной тысячи рублей да ещё какая-то мелочь. А долг дяде Володе — девяносто тысяч. Нельзя было потратить ни копейки лишней, каждый рубль на счету. Хлеб и колбасу, что приносила Настя, давно съели. В доме оставалась только найденная на свалке мука да маленький мешочек картошки. Картошка была неважная, с ростками, но если срезать глазки — вполне годится в еду. Это и было всё их пропитание на три дня.

Игорь прикинул: муку и картошку надо растянуть, чтобы хватило на оба рта. Каждый приём — строго по норме, иначе не дотянуть до конца морозов.

Он разделил продукты на шесть порций. На каждую еду — маленькая мисочка жидкой болтушки из муки и одна паровая картофелина. Всё. Ни масла, ни соли. Постно, пресно, невкусно. Но в такую ледяную стужу горячая еда была уже великим счастьем, и они не смели просить большего.

Семён смотрел на свои крошечные порции, живот урчал от голода, но знал — нельзя съесть лишнего. Он глотал по чуть-чуть, долго жевал, не спешил проглатывать. Игорь и во-все от своей доли отложил кусочек про запас — на случай, если погода затянется и продукты кончатся совсем.

Так прошёл первый день жесточайшего мороза: затыкали щели, грелись у костра, перебивались с хлеба на воду, экономили каждую крошку.

За окном ветер не стихал, снег валил всё сильнее, дом почти занесло по самые окна. А в комнате горел костёр, было тепло и уютно — разительный контраст с ледяной пустыней снаружи. Игорь и Семён сидели у огня, не решаясь спать. Сменяли друг друга: один дремлет, другой следит, чтобы костёр не погас, подкладывает топливо. Боялись, что пламя погаснет — и мороз вернётся с новой силой. Иногда перекидывались словами, говорили о планах на заработки, о том, как заживут, когда расплатятся с долгами. Так и коротали дол-

гие, холодные часы.

На второй день температура по-прежнему держалась на отметке минус сорок два — сорок три градуса, ни на градус теплее. Ветер выл с той же силой, снегопад не ослабевал. Власти по-прежнему запрещали выходить из дома. Вся Воркута оставалась скованной ледяным пленом.

Игорь и Семён всё так же экономили каждый кусок: варили мучную болтушку, парили картошку, строго соблюдали норму. Ни рубля лишнего не потратили, носа на улицу не показывали. Сидели в комнате, поддерживали огонь, следили, чтобы щели не пропускали холод. От Насти не было никаких вестей. Игорь волновался в душе, но понимал: пауэрбанк его давно сел, связаться с ней невозможно. В такой мороз она и сама из дома не высунется — наверное, магазин закрыт, и она сидит дома. С ней ничего не случится.

Они перебрали всё, что могло гореть, прикинули расход, чтобы растянуть на третий день. Ещё раз проверили все щели в дверях и окнах, заткнули то, что успело разойтись, — никакой оплошности.

Второй день жесточайших морозов прошёл спокойно. Без происшествий, без опасностей — только холод и голод. Но они стиснули зубы и выдержали.

Наконец наступил третий день — последний день аномального холода, по прогнозам. Температура всё ещё держалась на минус сорока двух, но ветер начал понемногу стихать, снег прекратился. Солнце наконец пробилось сквозь плотные тучи и залило заснеженную Воркуту слабым, но обнадеживающим светом. Мороз не отступал, но появилась надежда: скоро адский холод кончится, жизнь вернётся в нормальное русло.

Игорь и Семён облегчённо выдохнули. Ещё немного продержаться — и они победили. Больше не придётся мёрзнуть и голодать. Они высыпали остатки муки и картошки, сварили жидкую похлёбку — последнюю на этом морозе. Собирались поесть, а потом выйти в город и снова приниматься за своё дело: зарабатывать, отдавать долги.

Только они уселись у костра, приготовившись к трапезе, как дверь внезапно задрожала от сильных ударов. «Бам-бам-бам!» — стучали торопливо и яростно. К стуку примешивались женские крики о помощи, а также мужская ругань и пьяный хохот. В мёртвой тишине заброшенного дома эти звуки прозвучали особенно резко, раздирая тишину.

— Игорь! Семён! Открывайте! Спасите!

Это был голос Насти. Плачущий, полный ужаса. Голос

дрожал так сильно, что было ясно — она в смертельной опасности.

Игорь и Семён мгновенно переменялись в лице. Оба вскочили. Игорь схватил лежавшую у костра толстую дубину, Семён тоже затрясся от страха, но взял в руки железный прут. Они переглянулись — в глазах у обоих горели злоба и решимость.

Игорь рывком откинул палку, подпиравшую дверь, и распахнул её. На пороге стояла Настя — бледная как полотно, с растрёпанными волосами, красная куртка была кое-как порвана и съехала набок. Она опрометью бросилась внутрь комнаты. А за ней, пошатываясь, лезли четверо пьяных верзил — от них разило перегаром за версту. Они шатались, размахивали бутылками, горланили матерные частушки и скалились грязными улыбками. Эта свора не отставала от Насти ни на шаг.

Семён и Игорь раньше слышали от Насти про этих четверых. Это были отъявленные местные алкаши, бездельники, вечно пьяные, вечно буйные. Они уже не раз приставали к молодым женщинам в городе, и Настя всегда обходила их стороной. Сегодня, когда мороз пошёл на убыль, она решила тайком выскользнуть из дома — очень уж волновалась за Игоря и Семёна, хотела принести им хоть немного еды.

Но не успела она подойти к пятой хрущёвке, как эту пьяную шайку словно черти принесли. Увидели Настю — и прицепились. Сначала приставали, потом пустились в погоню. Настя со всех ног кинулась к их дому, звала на помощь.

— Беги, сучка, ну что ж ты встала? — прорычал вожак. Рожа у него была рябая, щетинистая, в руке бутылка водки, пьян в стельку. Глаза масляные, взгляд грязный. Он уставился на Настю и хохотнул: — Спряталась в этой развалюхе, думаешь, спаслась? Здесь уже давно никто не живёт! А эти двое бродяг, по-твоему, смогут тебя защитить? Сегодня ты с нами пойдёшь — пить! Живо!

Трое других заржали, заулюлюкали. Они шаг за шагом вваливались в комнату, на лестнице воняло перегаром. Наглости им было не занимать. Игоря и Семёна они вообще за людей не считали — так, пришлые оборванцы, пикнуть не посмеют.

Настя от ужаса спряталась за спину Игоря, вцепилась ему в куртку, вся дрожала. Лицо белое как мел, голос срывался на плач:

— Игорь, они ко мне пристали Я только подошла, а они сразу за мной увязались

Игорь заслонил Настю собой. Глаза его сделались ледяными, от него повеяло дикой злобой. В руке он стиснул толстую дубину. Глядя на пьяную четвёрку, он заговорил так же холодно, как ветер за окном:

— Пошли вон. Это наша территория. Не трогайте её. А не то пожалеете.

— Ах, пожалеем? — вожак зашёлся пьяным хохотом. — Посмотрим, как ты нас заставишь пожалеть! Братки, вперёд! Валяйте этих двоих, а бабу забираем!

Четверо, шатаясь, кинулись в атаку. Пьяные, но их было много, и они рассчитывали на толпу.

Семён трясся от страха, но, увидев, как Игорь стоит горой за Настю, как Настя боится, пересилил себя. Страх отступил перед смелостью. Он крепче сжал железный прут и встал рядом с Игорем — не отступил.

Игорь, не мешкая, бросился вперёд. Он с детства бился на улицах, был ловким и быстрым. Четверо хоть и числом превосходили, но все были пьяны вдрызг, ноги не слушались, руки не слушались — где им тягаться с Игорем. Одним ударом дубины он обрушился на спину вожаку. Тот взвыл от боли, рухнул на пол.

Трое остальных, увидев это, ринулись на Игоря скопом. Игорь уворачивался, отбивался, дубина в его руках ходила ходуном. Тут и Семён набрался храбрости — с размаху огрел прутом одного из пьяниц по ноге. Тот заорал благим матом.

Они сработали слаженно: Игорь — главная сила, Семён — подхват. Пьяные были не в себе, двигались как попало. Не прошло и пяти минут, как вся четвёрка валялась на полу — синяки, ссадины, стоны и мат. От прежней наглости не осталось и следа.

— Вон! — рявкнул Игорь, стоя над ними с дубиной. Голос сочился льдом, в глазах — убийственная жёсткость. — Ещё раз увижу возле неё — ноги переломаяю!

Пьяные заверещали от страха, заторопились, поползли, хромя, выкатились из комнаты, скатились по лестнице и пропали. Больше никто не оглянулся.

Как только они скрылись, Игорь развернулся, поддержал Настю, которая всё ещё тряслась от ужаса. Голос его в один миг стал мягким и тёплым:

— Всё кончено, Настя. Не бойся. Они ушли и больше не посмеют вернуться. Ты под моей защитой — никто тебя не

обидит.

Настя бросилась Игорю на грудь и разрыдалась. Весь накопившийся за последнее время страх выплеснулся наружу. Она плакала долго, наконец понемногу успокоилась, подняла голову и посмотрела на Игоря. В глазах её были благодарность и надежда:

— Игорь, Семён спасибо вам. Если бы не вы, мне сегодня конец

— Не говори глупости, — Игорь погладил её по спине, тихо успокаивая. На душе у него щемило от жалости. Глядя на её растрёпанные волосы, покрасневшие глаза, он снова почувствовал прилив ярости и дал себе клятву никогда больше не допустить, чтобы её обидели.

Семён тоже перевёл дух, прикрыл дверь, подпёр её палкой и похлопал себя по груди:

— Ну и страху же я натерпелся! Сволочи эти пьяные — совсем оборзели. Хорошо, что мы их вышвырнули.

После этого «благородного спасения красавицы» у всех троих отлегло от сердца. Последний день лютого мороза отныне окрасился для них в тона горячей крови.

Игорь заметил на полу недопитую бутылку водки, которую обронили хулиганы. В ней оставалось ещё на доньшке. Шведская водка, девяносто шесть градусов — самая крепкая в мире. Игорь поднял бутылку, встряхнул и улыбнулся Семёну с Настей:

— Сегодня мы отбились от подонков, пережили лютый холод — есть за что выпить. Давайте выпьем водочки — согреемся, spoём все беды.

Семён аж глаза засверкал — он давно хотел попробовать ту самую шведскую водку, да всё денег не было. Настя тоже кивнула: после такого переполоха немного горячительного не помешает — и нервы успокоить, и согреться.

Игорь подбросил в костёр веток, пламя разгорелось ярче. Они втроём уселись вокруг огня. Он отвинтил колпачок — резкий спиртовой дух ударил в нос, защипало в носу до чиха. Налил себе первую порцию, опрокинул в рот. Огненная жидкость обожгла горло и растеклась по пищеводу — внутри всё мгновенно согрелось. Прежний холод, усталость, давящий груз долгов — всё как рукой сняло. В груди разлилось приятное, озорное тепло.

— Хорошо пошла! — крикнул Игорь и налил Семёну.

Тот отхлебнул осторожно, но девяностошестиградусная крепость всё равно ударила в горло, Семён закашлялся, лицо мгновенно стало пунцовым. Зато после этого тепло разлилось по всему телу, смелости прибавилось, и в глазах появился задор.

Игорь плеснул немного и Насте. Она отпила маленький глоток, щёки тут же заалели, взгляд стал чуть рассеянным. Ушла привычная бойкость, проступила нежная, мягкая черта.

Они пили по очереди, маленькими глотками жгучую водку, грелись у костра, болтали, смеялись. Хмель ударил в голову — все трое захмелели. Тело разогрелось, страхи и застенчивость растаяли. Повседневная сдержанность, робость, тревоги — всё смыло крепким спиртом.

Игорь, уже под градусом, хлопнул себя ладонью по груди и громко сказал:

— Настя, не переживай. Я быстро заработаю деньги, расплачусь с долгами, отремонтирую квартиру — будешь жить у меня в тепле и уюте. А кто посмеет тебя тронуть — я ему ноги переломаю!

Семён, тоже пьяный, поддакивал:

— Точно! Кто Настю тронет — того мы и уделаем. Мы ещё много денег заработаем, будем в Воркуте ходить гоголем!

Настя, покрасневшая, привалилась к плечу Игоря. В затуманенных глазах светилась улыбка:

— Я верю, вы у меня самые лучшие.

Хмель кружил голову. Всем троим стало легко и весело — так бывает, когда выпьешь «заряда». Ни забот, ни долгового прессы, ни мук лютого мороза. Только тепло, азарт и дружеское плечо.

Но этот день подарил им не только спасение Насти и весёлое застолье. Случилось ещё несколько радостей, которые подняли настроение.

Первое. В узелке, который обронили пьяные хулиганы, Игорь обнаружил пачку рублей — целых пять тысяч. Он решил, что это нажитое несправедливым путём добро, которое как нельзя кстати пригодится на хозяйство. Можно будет купить еды, дров и немного разгрузить финансовое положение — больше не придётся экономить на жидкой болтушке.

Второе. В тот же вечер аномальный холод окончатель-

но отступил. Температура поднялась до минус десяти, ветер стих, снег перестал, выглянуло солнце. Воркута вернулась в привычное русло: заработали шахты, открылся рынок. Наконец можно было выйти из дома и приниматься за заработки — долг ждёт.

Третье. Дядя Володя позвонил Насте (а она передала Игорю) и сказал, что знает, как им тяжело пришлось в морозы. Он разрешил отсрочить выплату долга на месяц — не надо торопиться, пусть сначала наладят свой быт. Эта поддержка тронула всех троих до глубины души, и груз с плеч немного свалился.

Одно приятное событие цеплялось за другое. А в придачу — геройская победа над хулиганами и хмельная удадь от водки. Мрачное настроение развеялось окончательно. Остались только надежда и уверенность в будущем.

Солнце медленно садилось. Костёр всё так же весело горел, согревая их. Трое сидели, пьяно привалившись друг к другу, улыбаясь. Исчезла боль лютого мороза, исчез страх от погони, исчезла давящая тоска долга. Остались лишь безопасность, тепло и какое-то безудержное, молодое «ура».

Игорь посмотрел на Настю, на захмелевшего Семёна и дал себе новую клятву: работать не покладая рук, подни-

мать деньги «серыми» заработками, расплатиться с долгами, превратить эту заброшенную советскую развалюху в тёплый дом, защищать Настю, заботиться о Семёне, жить в Воркуте ярко и достойно — больше никогда не бедствовать, не терпеть обид.

За окном Воркута после аномального мороза сверкала белизной. Солнечные лучи играли на сугробах. Всё шло к лучшему.

Три дня жесточайшего холода они выдюжили. Нападок пьяных подонков отбились. Жизненные невзгоды одолевали шаг за шагом.

На следующее утро Игорь отправился в ближайшую кофейню — зарядить телефон. Он ещё раньше оставил свой номер на чёрном рынке. Один из шахтёрских бригадиров разыскал его по телефону и сказал, что хочет заказывать у него сигареты, выпивку и шахтёрское снаряжение на постоянной основе. Появился надёжный покупатель. А значит, «серая» работа становилась стабильнее, деньги потекут быстрее, и расплатиться с долгом будет уже не за горами.

Молодость, удача, одна радость за другой. В маленьком городе за Полярным кругом трое простых людей — своей смелостью и упорством — пережили самые тяжёлые време-

на. Впереди у них занималась своя, горячая, как тот костёр, надежда.

Глава 4. Московский гость в замёрзшем городке

После того как лютые морозы окончательно отступили, Воркута наконец вернулась к привычной жизни.

Снег под тёплым солнцем медленно таял, обнажая ухаби-стые улицы и обшарпанные здания. Снова загудели шахтные механизмы, рабочие толпами шли на смену и возвращались. На рынке вновь закипела жизнь — переключка продавцов, смех, оживлённые разговоры разогнали долгую мёртвую тишину. Торговля Игоря вошла в колею: каждый день он бе-гал на чёрный рынок, потом к шахтёрам — сбывал сигареты, водку, инструменты, а заодно брался за доставку, поиск про-павших вещей и перевозку грузов. Доход рос, и не по дням, а по часам. Семён тоже перестал робеть, помогал как мог и крутился всё проворнее. А Настя, закончив смену в магази-не, каждый день заходила в их жуткую «хрущёвку»: протира-ла мебель, натасканную со свалки, наводила уют. В комнатах всё больше пахло жильём. Долг по-прежнему висел тяжёлым грузом, но с каждым днём жизнь становилась чуточку легче.

Никто не ожидал, что в этот забытый Богом холодный го-родишко нагрянет особый гость из Москвы — и перевернёт

спокойную жизнь троих друзей с ног на голову. А заодно в заброшенном квартале впервые за пятнадцать лет появится штатный участковый.

Дмитрий Алексеевич Воробьёв — друзья звали его просто Дима — только что окончил Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. Ему исполнилось двадцать два года, он родился в 1998-м, специальность — «уголовный розыск».

Этот университет — кузница элиты российской полиции, попасть туда непросто. Дима же был лучшим на своём курсе: пять лет подряд — первое место в рейтинге, блестящие навыки рукопашного боя, криминалистики, стрельбы. Ещё студентом он участвовал в добровольных операциях, получал награды. Преподаватели называли его самым талантливым учеником, однокурсники — «зубрилой и крутым парнем» в одном лице.

Статью Дима вышел подтянутый и статный: метр восемьдесят семь, широкая грудь, узкая талия — классическая полицейская фигура. Лицо мужественное, с решительной складкой, кожа смуглая, загорелая от постоянных тренировок. Взгляд чистый и твёрдый. В его жилах текла настоящая любовь к Родине — патриот до мозга костей.

Перед выпуском московские управления полиции и другие силовые ведомства наперебой предлагали ему лучшие места: центральный аппарат уголовного розыска, спецподразделения в столице — везде светила высокая зарплата, престиж, бурная жизнь. О таком любой выпускник полицейского вуза мог только мечтать. Но Дима, глядя на эти заманчивые предложения, вспоминал лекции, где говорили о маленьких посёлках на краю земли, где полицейских почти нет — особенно о забытой Воркуте за Полярным кругом. И в нём вскипела горячая кровь патриота.

Он с детства слушал рассказы отца о службе в дальних гарнизонах и знал: на окраинах катастрофически не хватает людей, а обычным жителям некому помочь. В богатой и благополучной Москве и без него хватает хороших полицейских, а в ледяных приграничных городах нужен каждый, кто готов приехать. Дима отказался от всех столичных предложений. В заявлении о распределении он твёрдо написал: «УМВД России по городу Воркуте», и добровольно отправился в этот заброшенный шахтёрский городок за Полярным кругом — закрывать кадровую брешь.

В университете его решение вызвало бурю. Преподаватели сокрушались, однокурсники не понимали, семья была против. Все считали, что он сошёл с ума — отказаться от карьеры в Москве и поехать в какую-то развалюху, где хо-

лод собачий и почти нет преступлений. Это же просто губить свой талант!

Но Дима уже принял решение. Он сказал родным и друзьям:

— Долг полицейского — защищать каждый клочок земли и каждого человека. Москва не обеднеет без меня, а Воркуте полиция нужна позарез. И я поеду.

Он не колебался ни минуты. Собрал нехитрый багаж, надел новенькую форму, сел на поезд и поехал в Воркуту — подальше от московской суеты. За окном вагона привычные городские пейзажи сменились бескрайней заснеженной тундрой, становилось всё холоднее, людей всё меньше. Три дня и три ночи в пути — и ни капли сожаления. Наоборот, он чувствовал, как крепнет его решимость служить.

Поезд медленно вкатился на вокзал Воркуты. Дима вышел из вагона — ледяной ветер ударил в лицо сильнее, чем он ожидал. Куда ни глянь — убогие постройки, чёрные от копоти сугробы. Весь город дышал упадком. Но взгляд его оставался твёрдым. Расправив плечи, он взял чемодан и зашагал в сторону городского отдела полиции.

Городской отдел полиции Воркуты оказался крошечным

— одно двухэтажное старое здание, стены облезлые, обстановка убогая. Во всём уголовном розыске служило от силы восемь человек. В основном работа сводилась к разбору соседских свар, пьяных дебошей — настоящих тяжких преступлений почти не было. За долгие годы все привыкли к спокойной, даже сонной службе.

О прибытии московского отличника узнал начальник УВД Воркуты — сам Николай Иванович Петров, полковник. Николай Иванович Петров, полковник, был мужчина за пятьдесят, немного полный. Он прослужил в Воркуте всю жизнь и утратил свои прежние острые черты характера.

Когда ему доложили, что лучший выпускник столичной академии едет служить к ним простым опером, он чуть не свалился со стула. Немедленно приехал в городской отдел полиции и стал дожидаться Диму прямо у входа.

Увидев высокого подтянутого парня в новенькой форме, полковник шагнул навстречу, схватил его руку обеими ладонями и с чувством затряс:

— Товарищ лейтенант Воробьёв! Добро пожаловать, добро пожаловать! Вы — первый за всю историю наш сотрудник с таким высоким уровнем подготовки и из такого престижного вуза! — Николая Ивановича буквально распирало от радости. — Московская шишка решила к нам, в глушь,

пожаловать — спасибо огромное! У нас условия, сами понимаете, так себе, вы уж не обессудьте. Если что надо — только скажите!

Он завёл Диму в комнату приёма, собственноручно налил чаю.

Дима вежливо поднялся, чётко козырнул и сказал с искренней серьёзностью:

— Товарищ полковник, я приехал сюда работать, а не отдыхать. Трудности меня не пугают, я ко всему привычен. Скажите, на какой участок меня назначают?

Лицо начальника УВД Николая Ивановича омрачилось, он неловко потер руки и вздохнул:

— Товарищ Воробьёв, если честно, Воркута у нас маленькая, серьёзных преступлений почти не бывает, штат полиции вполне справляется. Единственная вакансия — участковый уполномоченный полиции в Западном жилом районе. Этот район опустел пятнадцать лет назад, все жильцы съехали, остался только один заброшенный дом. Правда, там недавно, кажется, поселилась одна семья. Так вот, должность участкового там пустовала целых пятнадцать лет. Вы уж не обессудьте. Вы — специалист высокого уровня по уголовному розыску, но как только освободится что-то получше, я в

первую очередь подумая о вас.

Дима слегка опешил. Он готовился к трудностям и глуши, но чтобы должность пустовала полтора десятка лет — такого он не ожидал. Однако и мысли не было отступить:

— Товарищ полковник, я согласен на любое назначение. Буду добросовестно исполнять свои обязанности, где бы ни служил.

Полковник Николай проникся к молодому человеку ещё большим уважением. С таким образованием, с такими способностями — и без капризов, сам едет в самый глухой участок. Он хлопнул Диму по плечу и сказал с чувством:

— Отлично! С таким настроем и горы свернёшь! Тогда официально назначаю тебя участковым уполномоченным Западного жилого района. Ты там будешь единственным участковым. В ведении — весь район: охрана порядка, обходы, профилактическая работа. Даже если народу почти нет, относись к делу серьёзно. Это всё равно наша воркутинская территория!

Так Дима принял документы о закреплённой территории и служебное удостоверение, надел форму и официально вступил в должность. Он стал первым за пятнадцать лет

участковым в Западном жилом районе, который всё это время пустовал. Сев в служебную «Ладу», он поехал к себе на участок, прикидывая в уме, как лучше организовать службу: пусть даже людей нет, надо регулярно патрулировать, быть на месте.

Но когда он проехал по всё более убогим и пустынным улицам и наконец добрался до одинокой пятиэтажки советской постройки, у него отвисла челюсть. Весь его патриотический пыл улетучился в один миг.

На его участке, кроме этой мрачной развалюхи, не было ничего: снежные завалы, руины, брошенные цеха — ни души. Во всём доме светилось только одно окно на пятом этаже, откуда едва пробивался слабый огонёк. Больше ни одного жильца.

Он перепроверил документы — всё верно. Весь Западный жилой район, огромная территория, в подчинении всего один дом. А точнее — одна квартира, где недавно поселились новосёлы.

Пятнадцать лет пустоты, единственная вакансия участкового — и обслуживать всего одного гражданина.

Дима стоял внизу, глядя на жуткую заброшенную хрущёв-

ку, потом обводил взглядом пустынный участок. До него наконец дошло, что значит выражение «стрелять из пушки по воробьям». Причём в самой крайней степени.

Он — элита лучшего полицейского вуза Москвы, учился на розыскника, рукопашный бой, тяжкие преступления, рвался ловить бандитов и защищать людей. А его отправили в медвежий угол, где даже воробьи не живут, сторожить одну-единственную семью. Ни тебе убийств, ни краж — даже мелкого хулиганства не предвидится. Вся работа будет, наверное, сидеть и смотреть на эту стену.

Горячие надежды разбились вдребезги. Дима откинулся на сиденье «Лады», горько усмехнулся, в глазах застыла пустота. Он впервые засомневался: а правильно ли сделал, что отказался от московской карьеры и приехал сюда?

«С волками жить — по-волчьи выть», — подумал Дима, глубоко вздохнул и подавил отчаяние. Он полицейский, его долг — работать. Даже если всего один человек — надо провести первый обход, записать данные, узнать обстановку.

Он оправил новенькую форму, поправил фуражку, одёрнул китель, выпрямился и зашагал вверх по лестнице. Ступени были завалены снегом и мусором, в подъезде стояла тьма, воняло плесенью. Каждый шаг отдавался скрипом. Даже бы-

вало оператора эта гнетущая атмосфера заставила поморщиться.

На пятом этаже он увидел старую деревянную дверь. У порога стояла поношенная обувь, в щелях мерцал свет от костра и пахло дымком. Значит, единственные жильцы — здесь. Дима поднял руку и аккуратно постучал. Голос его прозвучал чётко и громко:

— Здравствуйте! Участковый уполномоченный полиции Западного района, лейтенант Дмитрий Алексеевич Воробьёв. Произвожу обход и регистрацию жильцов. Откройте, пожалуйста.

В этот момент Игорь, Семён и Настя сидели у костра и ужинали: картофельная похлёбка, чёрный хлеб с рынка. Жизнь скучная, но тёплая и уютная. Услышав стук, все трое замерли. В этой развалюхе никто никогда не ходил, а уж полицейские — тем более. После того как они отбили пьяных хулиганов, больше никто не решался сунуться. Внезапный стук вызвал только недоумение.

— Кто там? — Игорь поднялся, спросил насторожённо и машинально схватил дубину — на всякий случай.

— Участковый уполномоченный, лейтенант Дмитрий Во-

робьёв. Плановый обход, — раздался за дверью строгий официальный голос.

Трое переглянулись. В глазах — удивление и тут же поздозрение.

Этот район пустовал больше десяти лет, они никогда не видели здесь полицию, даже слух не ходил. И вдруг — участковый под дверью? Да ещё таким казённым тоном, да ещё в такую глухомань?

— Участковый? Да ладно! — Семён скривил губу с явным недоверием. — Я слышал, тут никогда в жизни полиции не было. Откуда он взялся? Точно самозванец. Может, тот самый пьяный, просто переделся в форму и опять явился приставать!

Настя заглянула в дверной глазок. Снаружи стоял высокий парень в отутюженной форме.

— Точно, самозванец, — кивнула она. — Наши воркутинские полицейские в такие дыры не суются. И вообще, я никогда не видела такого молодого и такого новенького полицейского. Это наверняка какой-то бандит, который хочет вломиться и что-нибудь спереть или устроить скандал!

Игорь согласился с ними. Он прожил здесь уже сколько, но ни разу не встречал участкового в этом районе. Настоящий полицейский ни за что не полезет в такую глушь. Скорее всего, это фальшивка. Игорь и так ещё не забыл недавнюю историю с пьяными, да и просто был зол. А тут кто-то отважился изображать полицейского — тем более обидно. Он твёрдо решил подшутить над этим «липовым лейтенантом».

Игорь нарочно приглушил голос, изображая испуг:

— Товарищ полицейский, сейчас откроем, подождите минутку.

С этими словами он переглянулся с Настей и Семёном. Они втроём неслышно подобрались к двери и резко распахнули её.

За дверью стоял Дима — в свежевыутюженной форме, подтянутый, с мужественным лицом, вид строгий и официальный. Он уже собирался достать удостоверение и объяснить цель визита, но не успел и рта раскрыть, как на него набросились трое.

Игорь мгновенно вцепился ему в полу кителя, Семён схватил под руку, а Настя ловко стащила фуражку с головы. Действовали слаженно, без лишних слов, даже слова вымол-

вить не дали.

— Ах ты жулик! Форму напялил — и в полицейского решил поиграть? — рывкнул Игорь, напуская на себя зверское выражение и изо всех сил теребя китель. — К нам заявился поживиться? Сейчас мы тебя проучим!

— Давай снимай форму, быстро! — подхватил Семён, вцепившись в руку Димы мёртвой хваткой. — Ишь, вырядился, будто настоящий!

Настя тем временем нахлобучила полицейскую фуражку себе на голову, склонила её набок и поддела:

— Фуражка-то вроде настоящая жаль, что сам ты фальшивка, и форма у тебя липовая!

Дима обалдел. За всю свою жизнь он впервые оказался в такой ситуации. Законный полицейский, выпускник лучшего вуза МВД, участковый, пришёл на первый обход — и его приняли за самозванца! Его хватают за форму, срывают фуражку, ещё и насмеваются.

Сначала он просто остолбенел. Потом до него дошло — лицо мгновенно залилось краской. Обида, злость, растерянность — всё смешалось. Как лучший в рукопашном бое, он

мог бы легко вырваться. Но это же гражданские лица, применять силу против них нельзя. Оставалось только рывкнуть:

— Прекратить немедленно! Я действующий полицейский, а не самозванец! Отпустите! Это нападение на сотрудника полиции!

Но чем громче он объяснял, тем меньше ему верили. Игорь и ухом не повёл — продолжал стаскивать с него китель, Семён обхватил ноги, а Настя ещё и подначивала. На лестнице стоял настоящий балаган.

У Димы лопнуло терпение. Обида, ярость, бессилие — всё переполнило. Он, элитный полицейский из Москвы, никогда в жизни не испытывал такого унижения: трое простых обывателей принимают его за мошенника и издеваются как хотят. Позор!

Хватит!

Взгляд Димы сделался ледяным. Одно движение — он применил классический приём из полицейского арсенала: быстро, жёстко, точно. Легко высвободился из захвата Семёна, перехватил руку Игоря, лёгким движением вывернул и прижал к себе, одновременно другой рукой вытащил из кармана удостоверение, раскрыл и поднёс к лицам троицы. Го-

лос зазвучал холодно и властно:

— Смотрите сюда! Я сотрудник полиции, официальный участковый уполномоченный вашего района. Выпускник Московского университета МВД. Вот мой жетон, все документы — настоящие. Я не мошенник. Я ваш участковый!

Игорь, Семён и Настя уставились на тёмно-вишнёвое удостоверение с тиснёным гербом. Ясная фотография, номер жетона, печать. Потом перевели взгляд на безупречную форму и на то, как ловко полицейский скрутил Игоря. Насмешливые рожи мигом сползли, сменившись окаменелым смущением и ужасом. Их как громом поразило.

Они и подумать не могли, что перед ними — самый настоящий полицейский, да ещё из Москвы! А они набросились на него, сорвали фуражку, издевались, едва не побили.

— М-мы — Игорь открыл рот, но не смог выдавить ни слова. Его перекосило от страха. Он понимал, что натворил: нападение на полицейского, издевательство над участковым — это тяжкое преступление. Если пойдут по всей строгости, посадят.

Семён затрясся как осиновый лист, мгновенно отпустил руку Димы и попятился, опустив голову. Настя поспешно

стянула фуражку и протянула её Диме, дрожащей рукой. Она вся пунцовая от стыда и прошептала еле слышно:

— П-простите товарищ полицейский мы не нарочно мы правда не знали, что вы настоящий

Дима отпустил Игоря, одёрнул китель, поправил воротник. Взгляд оставался ледяным, гнев ещё не угас. Он спрятал удостоверение и обвёл троицу строгим взглядом.

— Не знали? Вы, не разобравшись, напали на меня, стащили форменное обмундирование, оскорбляли. Это нападение на сотрудника полиции при исполнении, квалифицируется как воспрепятствование законной деятельности. Я имею полное право задержать вас прямо сейчас и доставить в отдел!

У троицы лица побелели как мел. У Игоря подкосились ноги. Он затараторил, захлёбываясь извинениями:

— Товарищ полицейский, мы виноваты, очень виноваты! У нас тут никогда полиции не было, мы отродясь не видали ни одного участкового. Мы думали, вы — мошенник в форме, вот и спятили сдуру. Простите, умоляем, не задерживайте нас! Больше никогда в жизни!

Семён и Настя наперебой поддакивали, каялись, умоляли. Они только-только начали налаживать жизнь в Воркуте. Если их сейчас заберут в полицию — всё пропало: тюрьма, нажитое с таким трудом добро, квартира, долг дяде Володе. Конец всему.

Дима посмотрел на их раскаявшиеся, перепуганные лица — и гнев его потихоньку утих. Он видел: напали они не со зла, просто в этом районе столько лет не было полиции, люди потеряли всякое доверие и чувство безопасности, вот и обознались. А тут ещё развалюха, убогая мебель, одеты бедно — сразу видно, приезжие, пытаются выжить на чужбине. Нелегко им. Сгоряча сморозили глупость, но не злодеи.

Однако обида всё равно осталась: он, молодой патриот, полный надежд, приехал на край света — и первый же обход закончился таким позором. Обидно было до слёз.

Настя, девушка чуткая, поняла, что полицейский хоть и зол, но по-настоящему задерживать не собирается — просто досада его гложет. Она придумала, как смягчить обстановку. Вспомнила, что осталась ещё полбутылки водки, да и новую они на днях купили на рынке. Подошла к столу, взяла водку, достала несколько мисок, разлила по края и поднесла Диме.

— Товарищ полицейский, мы поняли, что натворили. Не сердитесь, не арестовывайте нас, — голос Насти звучал мяг-

ко и искренне. — Мы хотим вам этим вину загладить. Выпейте водки, согрейтесь с мороза, остыньте душой. Мы обещаем: отныне будем во всём вас слушаться и больше никогда безобразничать.

Игорь и Семён закивали, наперебой извиняться, пригласили Диму присесть. У костра освободили место для него, и тепло сразу разогнало сырой холод лестничной клетки.

Дима посмотрел на миску с водкой, потом на их искренние лица. Суровое сердце его оттаяло. Он был не злопамятным человеком, но обида душила. Плюс долгая дорога, холод такой, что пальцы коченеют. Глоток водки и правда не помешал бы — согреться и немного снять напряжение.

Помедлив, он всё же смягчился. Лицо его стало не таким каменным, про арест он больше не заикался. Кивнул и сел на стул у костра.

Настя поспешно протянула ему миску с водкой. Игорь и Семён тоже себе налили. Вчетвером они уселись вокруг огня. Напряжение растаяло.

— Я при исполнении, пить водку — нарушать дисциплину, — сказал Дима. — Но сегодня я сделаю исключение, один глоток — за наше знакомство.

Он поднёс миску ко рту и отпил. Крепкий напиток обжёг горло и разлился по телу теплом. Дорожная усталость, обида, разочарование — всё отпустило. Игорь, видя это, первый поднял свою миску и обратился к Диме:

— Товарищ полицейский, меня Игорем зовут. Это мой брат по духу — Семён, а это Настя. Мы все в Воркуту приехали, счастья искать. Мы перед вами виноваты, обидели ни за что. Позвольте выпить за ваше здоровье и вымолить прощение!

С этими словами он опрокинул миску и выпил всё до дна — в знак искренности. Семён тоже поднял свою миску, выпил и принялся кланяться. Настя отпила маленький глоток и виновато посмотрела на Диму.

Дима, глядя на их чистосердечие, растопил в душе последний льдинку. Он приложился к своей миске, сделал большой глоток и заговорил потеплевшим голосом:

— Меня зовут Дмитрий Алексеевич Воробьёв. Можете звать просто Дима. Я окончил Московский университет МВД, звание лейтенант. Я сам вызвался сюда, попросил назначить меня участковым в Западный район. Я знаю, здесь пятнадцать лет не было ни одного участкового. Я — пер-

вый за эти пятнадцать лет. У меня сегодня первый обход, и, наверное, я вас своей внезапностью смутил. Так что вашу ошибку можно понять. Главное — впредь со мной сотрудничать. А этот случай я оставляю без последствий.

Трое наших героев аж подпрыгнули от радости, засыпали его благодарностями — гора с плеч свалилась.

Они сидели у костра, пили водку, болтали. Постепенно совсем подружились. От настороженности и неприязни не осталось и следа — теперь они беседовали как старые приятели.

Дима открыл им свою душу: рассказал, как отказался от московской карьеры, как рвался сюда, чтобы охранять покой местных жителей, а приехал — и единственным его «населением» оказалась всего одна квартира. Мечты летели к чёрту, талант зарыт в землю. Отчаяние, обида, чувство, что он здесь зря.

Игорь, Семён и Настя слушали с восхищением. Какой же этот парень удивительный: променял столичную жизнь на такую глушь — и всё ради идеи. Они тоже откровенно рассказали ему про свою жизнь: что они оба приехали из другого города, купили квартиру в долг, теперь должны дяде Володе кучу денег и выживают как могут — перепродают то

одно, то другое, бегают по поручениям. Это не уголовщина, просто тяжёлый честный труд, чтобы прокормиться и отдать долги.

Дима выслушал — и ни капли брезгливости не почувствовал, наоборот — уважение. Он понял: Игорь с Семёном хоть и мелко торгуют, но люди они добрые, работающие. В таких суровых условиях не воруют, не грабят, а горбом гнут спину, живут своим трудом, друг за друга горой — это в тысячу раз лучше, чем те же пьяные бездельники или уголовники.

Дима хорошо знал: в Воркуте народ выживает как может. Небольшая торговля, которая не переходит черты закона — это обычное дело для бедняков. Не станет же он их топить. Тем более ребята оказались душевными, а ссора давно забыта. Он уже считал их своими друзьями.

Помолчав минуту, он сказал с расстановкой и с важным видом:

— Каким бы делом вы ни промышляли — мелкими заработками, копеечными перепродажами, — я смотреть сквозь пальцы буду. Но только с одним условием: никаких законов не преступать. Не воровать, не разбойничать, не натравливать на людей лиха. Будете держаться в рамках — считайте, ваш участковый всегда на вашей стороне. А кто посмеет вас

обидеть — меня в обиду не дам.

У Игоря, Семёна и Насти от этих слов аж дыхание перехватило — так растрогались. Закивали, пообещали. Теперь у них появился друг в погонах — можно не бояться ни пьяных хулиганов, ни придирок к их мелкой торговле. Чувство безопасности заполнило душу до краёв.

Разговор становился всё душевнее. Миска с водкой сменялась другой. Хмель ударил в голову, и атмосфера сделалась по-настоящему тёплой. Говорили о родных местах, о житье-бытье, о мечтах и о будущем. Дима сбросил с себя маску строгого полицейского и стал своим парнем. Игорь, Семён и Настя тоже перестали робеть — шутили, смеялись. В страшной заброшенной хрущёвке, где раньше только ветер выл, теперь звучал смех и царила почти семейная атмосфера.

И у Димы на душе развеялась последняя горечь. Да, на его участке всего одна семья. Но эти люди — искренние, добрые, с чувством благодарности. Стоять на страже у такого человека — разве это не настоящее дело? И смысл его приезда сюда обрёл наконец ясные очертания.

В течение следующей недели Дима официально приступил к патрулированию на своём участке и начал нести службу в качестве участкового уполномоченного.

Каждый день он садился в старую «Ладу» и ровно в положенное время приезжал к пятой хрущёвке. По долгу службы он должен был обходить участок и проводить профилактические беседы, но по факту большую часть времени проводил с Игорем, Семёном и Настей. Преступлений не было, разбирать было нечего — вот он и помогал ребятам обустроить дом, чинить двери и окна, таскать дрова. Когда Игорь шёл на промысел, Дима иногда отправлялся с ним: приглядывал за порядком, а если натыкались на пьяных хулиганов — достаточно было показать удостоверение, и проблема решалась. Семёну и Насте он тоже подносил тяжёлое, ни капли не важничал, никакой полицейской спеси — жил с ними одной семьёй.

Дима окончательно освоился в Воркуте. Привык к развальной, привык к лютым морозам, привык сидеть с троицей у костра, есть, болтать, пить водку. Он больше не чувствовал, что его таланты зарыты в землю. Наоборот, эта тихая, будничная забота о людях казалась ему полной смысла. Глядя, как Игорь, Семён и Настя изо всех сил пытаются выбиться в люди, поддерживают друг друга, он всё твёрже решал остаться здесь.

И Игорь с ребятами тоже считали Диму родным. Каждый день его оставляли обедать. Настя готовила на одного больше. Игорь, возвращаясь с торговли, всегда привозил что-

нибудь вкусное. Вчетвером они не расставались, делились сокровенным, стали лучшими друзьями. Дима рассказывал про Москву, про учёбу в академии, про свои мечты. Игорь посвящал его в тонкости своего «серого» бизнеса, в местные нравы — они полностью доверяли друг другу и опирались друг на друга.

Дима даже добился, чтобы полицейское управление выдало ему велосипед — для свежего воздуха и для здоровья. В дни, когда служба позволяла, он приезжал на дежурство не на «Ладе», а крутил педали.

Эта неделя стала для Димы самой счастливой с тех пор, как он приехал в Воркуту: тихая, тёплая, полная простого человеческого тепла. И для Игоря, Семёна и Насти — самое спокойное время.

Но на седьмой день, после обеда, случилось происшествие. В шахтёрском районе вскрылась крупная кража, которая дала Диме — «участковому без работы» — шанс отличиться.

В тот день Игорь, как обычно, отправился на чёрный рынок за товаром, а заодно отвез шахтёрам заказанные сигареты и водку. Проходя мимо старой площадки, где складировали списанный кабель, он заметил неладное.

Обычно там никого не бывало, а сейчас несколько незнакомых крепких мужиков орудовали инструментами — резали и грузили шахтный кабель. Кабель этот ценный, относится к важному имуществу шахт. Кража такого кабеля — тяжкое экономическое преступление. Игорь даже в своих тёмных делишках никогда бы на такое не позарился. Эти типы, если доведут дело до конца, нанесут шахте огромный ущерб. А хуже того — часть кабеля ещё не обесточена, его резка может привести к несчастному случаю, и тогда беды не оберёшься.

Игорь внутренне похолодел. Сам он такими вещами не промышлял и к государственному добру относился с уважением. И тут же подумал о Диме — их участковом. Надо не геройствовать самому, а вызвать полицию. Вдвоём брать воров сподручнее.

Он затаился за развалинами, стараясь не привлекать внимания. Внимательно осмотрелся: четверо, все при инструменте, грузовая разбитая машина. Они уже нарезали здоровенную бухту кабеля и перетаскивали её в кузов — работали споро, видно, не первый раз.

Игорь затаил дыхание, тихонько достал телефон и набрал Диму. Зашептал торопливо:

— Дима, срочно приезжай! На старую кабельную площадку в шахтёрском районе. Там кабель воруют. Четверо, с инструментом, уже грузят машину. Не упусти их!

Когда телефон зазвонил, Дима как раз помогал Семёну чинить раму окна в квартире. Услышав новость, он мгновенно посерьёзnel, в глазах вспыхнул полицейский азарт. Ни секунды не колеблясь, он схватил табельное оружие, накинул форму. «Лада» была не при нём, поэтому он вскочил на велосипед и на всех парах помчался к шахте. По пути связался с дежурной частью:

— Дежурный, лейтенант Воробьёв! На площадке хранения кабеля в шахтёрском районе совершается крупная кража, предположительно кабеля. Четверо подозреваемых. Выдвигаюсь на место. Прошу подкрепление!

Начальник полиции, узнав, ахнул и немедленно отправил в район наряд, строго наказав Диме быть осторожным.

Дима нёсся на велосипеде с бешеной скоростью и уже через десять минут был на месте. Игорь бесшумно выскользнул из-за руин, кивнул Диме, указал на воров и шёпотом доложил обстановку:

— Всего четверо. Грузовик вон там. Кабеля уже порядочно нагрузили. У них в руках инструмент — будь осторожен.

Дима кивнул, взгляд его стал острым, он быстро оценил обстановку и сказал Игорю:

— Ты обойди с той стороны, отрежь им путь к отступлению. Сам не лезь, жди моего сигнала. Возьмём их в клещи — спереди и сзади. Как только подоспеет подкрепление из отдела, будет надёжно.

Игорь кивнул. Он хоть и не полицейский, но кровь горячая, да и Дима рядом — не страшно. Тихо обошёл с фланга, затаился у грузовика, перекрыв вора́м путь к бегству.

Дима глубоко вдохнул, расправил плечи и стремительно выскочил из укрытия, выставив перед собой удостоверение:

— Полиция! Всем стоя! Бросить инструмент, руки вверх!

Четверо воров в этот момент как раз грузили кабель. От неожиданности они опешили, обернулись — видят, один полицейский. И тут же злоба ударила в голову. Это были гастролёры-рецидивисты, они не боялись какого-то молодого лейтенанта. Схватили трубы, разводные ключи — и кинулись на Диму, собираясь прорываться с боем.

— Щенок, в наши дела лезешь? Сдохнешь! — заорал главарь, замахнувшись трубой.

Дима смотрел ледяным взглядом — ни тени страха. Он был лучшим в рукопашном бое, элита Московского университета МВД. Четверо неподготовленных рецидивистов — не соперники. Он уклонился от удара, в одно движение применил боевой приём: с разворота ударил главаря в грудь, перехватил трубу — быстро, жёстко, без лишних телодвижений.

Игорь, видя это, тоже рванул вперёд, подхватил с земли толстую палку и перекрыл путь троим остальным, не давая им разбежаться. Игорь с детства бился на улицах — увертливый и сильный. Он крепко связал боем одного из воров, выигрывая Диме время.

Дима один против троих — его приёмы были чёткими и смертоносными. Не прошло и трёх минут, как все трое были уже на земле, скручены и связаны толстыми верёвками, которые наскоро заменили наручники. А с четвёртым тем временем справился Игорь, и Дима мгновенно подскочил — защёлкнул «браслеты» и на него.

Пять минут — и четыре опытных вора, промышлявших кабелем, лежали связанные, никто не ушёл. Грузовик с кабелем — полностью сохранён, никакого ущерба.

В этот момент подоспел наряд поддержки из полицейского управления. Увидев, как лейтенант и простой парень в одиночку схватили четырёх вооружённых воров и отбили кабель, все остолбенели от изумления. Начальник полиции Воркуты был вне себя от радости. Он хлопнул Диму по плечу и принялся хвалить:

— Молодец! Лейтенант Воробьёв, настоящий молодец! Всего неделю у нас — и уже раскрыл такое дело! Вернул государству ценности! Ты совершил подвиг!

Прохожие, услышав шум, начали собираться, показывали на Диму и Игоря пальцами, поднимали большие пальцы: смелые ребята, уберегли шахтёрское добро.

Дима поднялся, оправил форму, повернулся к Игорю и сказал искренне:

— Без тебя мы бы не справились. Ты вовремя заметил, позвонил да ещё и помогал задерживать. Ты главный герой.

Игорь почесал затылок, усмехнулся:

— Я просто сделал то, что любой бы сделал. А ты — полицейский, профессионально бандитов вязал. Вот это да!

Вернувшись в участок, начальник немедленно собрал короткое совещание и объявил всему личному составу: лейтенант Воробьёв раскрыл крупную кражу шахтного кабеля. Записано в личное дело как серьёзная заслуга. Это не только заслуга Димы, но и честь всей воркутинской полиции.

Дима сам предложил отметить, что Игорь оказал неоценимую помощь: сообщил вовремя, участвовал в задержании — без него всё могло пойти иначе. По правилам, ему полагается премия за содействие.

Начальник Воркутинской полиции тут же согласился и отправил рапорт на утверждение в УВД. Николай Иванович быстро подписал — премию тридцать тысяч рублей выдали Игорю полностью.

Тридцать тысяч для Игоря стали подарком судьбы. Они и долг помогут отдать побыстрее, и на хозяйство останется: прикупить материалов, привести квартиру в порядок, зажить получше. Когда он получил деньги, руки тряслись от волнения. Он без конца благодарил Диму.

За одну неделю они прошли путь от нелепой стычки через примирение к совместной операции. Дружба их окрепла.

Дело раскрыто, Дима отличился, Игорь получил премию — две радости сразу. Решили вечером устроить в хрущёвке настоящий праздник.

Настя сбегала на рынок, купила мяса, колбасы, хлеба и несколько бутылок хорошей водки. Семён прибрал в комнате до блеска, костёр разжёл пожарче. Игорь бережно спрятал деньги, переполненный благодарностью. Дима переоделся в гражданское, скинул строгую полицейскую маску и с радостью ждал застолья.

Наступил вечер. В пятой хрущёвке тепло и уютно. Свет костра пляшет на четырёх счастливых лицах. Стол ломится от яств, бутылки с водкой открыты, миски наполнены до краёв. Смех и шутки не смолкают.

Они сели в круг, подняли миски с крепким напитком. Дима начал первым, голос его звучал сердечно:

— Давайте выпьем за то, что раскрыли преступление! За то, что Игорь получил премию! И за то, что мы стали друзьями! Ваше здоровье!

— Ваше здоровье!

Игорь, Семён и Настя ответили хором. Они запрокинули

головы и выпили до дна. Жгучая водка обожгла горло и разлилась теплом — на душе сделалось легко и радостно.

Всю ночь они пили водку, ели горячие блюда, вспоминали дневную погоню и говорили о будущем. Все изрядно захмелели, но счастье переполняло их.

Дима наконец полностью избавился от всех своих обид и разочарований. Теперь он понял: отказаться от московских перспектив и приехать сюда — было правильным решением. Защищать таких добрых, смелых людей здесь, в глуши, оказалось куда важнее, чем гоняться за чинами и славой в шумной столице.

Игорь тоже был на седьмом небе: он получил премию, немного ослабил долговое бремя и приобрёл такого друга, как Дима — настоящего полицейского. Отныне в Воркуте ему больше нечего бояться, жизнь становилась всё радостнее.

Семён и Настя тоже искренне радовались — за Игоря, за Диму, за его боевую награду. Четыре сердца в этой промёрзшей хрущёвке, под звон чарок с крепкой водкой, стали ещё ближе друг к другу.

За окном по-прежнему выл ветер, но в комнате было тепло, как весной. Свет костра, крепкое водка, верные друзья,

смех и шутки — всё это разогнало холод и невзгоды.

Дима, московский гордый выпускник, наконец обрёл своё истинное призвание в этом забытом Богом заброшенном квартале. А Игорь с друзьями, в чужом суровом городе, наконец получили настоящую опору.

Курьёзная встреча, совместный дерзкий поступок, крепкая дружба — в ледяной ночи Воркуты всё это сложилось в самый тёплый и светлый образ. А их общая история с каждым новым испытанием становилась всё ярче и полнее.

Глава 5. Заброшенное здание: возрождение опорного пункта

Радость от раскрытия кражи на шахте всё ещё витала в каждом уголке пятой заброшенной хрущёвки. Дима получил награду и благодарность, Игорю выдали премию в тридцать тысяч за содействие, дружба четвёрки окрепла. В этом доме, простоявшем мёртвым пятнадцать лет, наконец запахло жильём, а теперь появился и намёк на нечто «официальное».

Начальник УВД Воркуты полковник Николай Иванович Петров, всё больше проникался уважением к лейтенанту Воробьёву — молодому московскому полицейскому. Он не только превозносил его на совещаниях, но и принял решение: организовать для Димы отдельный опорный пункт полиции прямо на его участке. В конце концов, он — единственный участковый в этом районе за пятнадцать лет. Не ездить же ему вечно из отдела туда-сюда на «Ладе». Постоянное рабочее место — вот что значит настоящая служба на закреплённой территории.

Через три дня после совещания решение об открытии опорного пункта было оформлено официально.

Но никто не ожидал, что под опорный пункт выделят то самое помещение — бывшую проходную на первом этаже дома, где жили Игорь с товарищами.

Эта комнатка ещё в советские годы служила участковым пунктом. После развала СССР она проработала ещё десяток лет, а пятнадцать лет назад, когда шахты пришли в упадок и жители разъехались, пункт закрыли. Железную дверь намертво заперли, и помещение простояло забытым целых пятнадцать лет. Полковник Николай Иванович, перебирая старые архивы, случайно наткнулся на документы об этой комнате и сразу же решил: здесь будет кабинет лейтенанта-Воробьёв.

Когда новость дошла до обитателей пятого этажа, Игорь, Семён и Настя обрадовались едва ли не больше самого Димы. Они запрыгали вокруг него, лица сияли.

— Дима, у нас прямо под окнами будет опорный пункт? — Игорь хлопнул друга по плечу, глаза горели. — Теперь тебе не придётся каждый день мотаться в городской отдел. Удобно! Да и нам спокойнее: свой полицейский пост в доме — никакие пьяные хулиганы больше не сунутся.

Семён закивал, на простодушном лице расплылась улыбка:

— Мы поможем тебе его обустроить! Вычистим до блеска, сделаем из него наше собственное маленькое отделение полиции!

Настя тоже рассмеялась:

— Правильно, вместе приберёмся. Пусть Диме будет уютно работать.

Дима смотрел на их сияющие лица — и на душе стало тепло, уголки губ поползли вверх. Ему вообще-то было всё равно, в каких условиях работать. Но то, что его опорный пункт окажется в одном доме с друзьями, придавало особый смысл. Словно он и правда сросся с этой заброшенной хрущёвкой, с этими тремя людьми.

— Тогда не будем тянуть. Берёмся за уборку сегодня же.

Дима взял заранее приготовленные веник, тряпки и чистящие средства, купленные на рынке, и первым зашагал вниз. Игорь, Семён и Настя двинулись следом — вся четвёрка направилась к старому опорному пункту, запертому пятнадцать лет назад.

Бывшая проходная на первом этаже пряталась в дальнем

углу лестничной клетки. Вокруг высились сугробы по пояс, намело сучьев и мусора. Железная дверь, сплошь покрытая ржавчиной, была наглухо заперта. Замок проржавел насквозь, покрылся тёмно-коричневыми пятнами. Над дверью едва можно было разобрать выцветшие буквы: «ОПОРНЫЙ ПУНКТ». Всё дышало глубокой, вековой запустением.

Дима достал ключ, который дал ему полковник. Головка ключа уже почернела от окисла. Он вставил его в замочную скважину — ключ шёл туго, с хрустом. Пришлось приложить немалые усилия, чтобы повернуть его. Наконец раздался щелчок — замок поддался.

Игорь вместе с Димой навалились на тяжёлую железную дверь. Ржавые петли жалобно заскрежетали, дверь медленно отворилась.

В тот же миг изнутри вырвался густой, едкий запах: пыль вековой давности, плесень, гнилое дерево. Все четверо одновременно закашлялись, замахали руками, отступили назад, зажимая носы и рты.

Когда пыль немного осела, они осторожно заглянули внутрь. Увиденное заставило их замереть на пороге.

Комната была около тридцати квадратных метров, пра-

вильной прямоугольной формы — типовой советский кабинет. Но сейчас она представляла собой жалкое зрелище: всё было покрыто толстым слоем пыли — палец вдавливался чуть ли не на сантиметр. Стоило к чему-то прикоснуться, как в воздух взлетали целые тучи пыли.

Пол — неровный цементный, весь в трещинах, между которыми набилась пыль, мелкий щебень, сухие листья, обрывки старых газет и полиэтиленовые пакеты. В углах нависала густая паутина — целые гирлянды спускались с потолка, залепленные пылью и мёртвыми насекомыми. Зрелище было жутковатое.

Штукатурка на потолке обвалилась крупными кусками, обнажив красный кирпич и тёмные пятна протечек. Стены — ещё печальнее: когда-то белая краска давно пожелтела и почернела, покрылась грязными разводами, граффити и следами дождя. Ровного места не найти.

В комнате сохранилась старая мебель. Деревянный письменный стол — столешница треснута, ножки покосились, ящики давно выломаны, остался только пустой каркас, заваленный пылью. Несколько деревянных стульев: сиденья прорваны, ножки переломаны, они валялись на полу вкривь и вкось. Старый железный шкаф с распахнутыми дверцами — внутри пусто, сам весь в рыжих пятнах ржавчины, при ма-

лейшем прикосновении с него сыпались хлопья металла. И ещё — ржавая печка-«буржуйка» с вывалившейся трубой, забитая пылью, давно негодная к использованию.

Но больше всего их удивила и тронула находка в старом деревянном шкафу рядом со старым железным картотечным шкафом. Дверца шкафа была приоткрыта, и внутри виднелись старые полицейские вещи и документы пятнадцатилетней давности. А в самом шкафу лежала тяжёлая шинель советского образца — милицейская, из толстого драпа. Похоже, её забыли здесь ещё в те годы, когда после распада СССР российская полиция полностью сменила форму.

Тёмно-зелёная шинель из толстого драпа имела свободный, массивный крой. На воротнике виднелись алые петлицы, а на погонах — знаки различия капитана милиции. У неё была красивая драпировка; несмотря на возраст, она всё ещё сохраняла строгую выправку. Покрытая толстым слоем пыли, она тихо лежала в деревянном шкафу и стала свидетелем пятнадцатилетнего запустения этого полицейского пункта.

— Ну и развалюха — выдохнул Семён, обводя глазами этот хаос. И правда: даже их собственная «голая» квартира на пятом этаже не выглядела такой заброшенной и унылой. Везде следы времени и тлена.

Настя поморщилась, прикрыла рот рукой и тихо сказала: — Пятнадцать лет простояло — немудрено, что столько пыли. Но если как следует прибраться, здесь вполне уютно получится. Всё-таки настоящий опорный пункт полиции.

Игорь подошёл к старому шкафу, осторожно приоткрыл дверцу и уставился на советскую шинель. В глазах его горело любопытство. Он протянул руку, чтобы потрогать, но тут же отёрнул — боялся повредить. Обернувшись к Диме, сказал:

— Дима, смотри! Старая милицёрская форма. Ещё советская. Шинель — наверное, тёплая была. Настоящая история!

Дима подошёл к шкафу, посмотрел на ветхую форму. Взгляд его стал серьёзным, почти печальным. Эти вещи когда-то принадлежали участковому, который нёс службу здесь до него. Они сохранились почти нетронутыми — как будто тот, прежний хозяин, намеренно оставил их, дожидаясь нового стража порядка, который возобновит работу этого кабинета. Даже после распада Союза он не забрал шинель. Дима осторожно смахнул с неё пыль и произнёс торжественно:

— Это форма советской милиции. Шинель — капитанская. В такой одежде наши предшественники охраняли этот район.

Пусть комната была разрушена и завалена пылью, никто из четверых не думал отступить. Наоборот — все загорелись желанием поскорее взяться за дело.

— Ну что, берёмся? Приведём здесь всё в порядок, отремонтируем — и пусть опорный пункт снова заработает! — Дима первым схватил веник и принялся мести пол. Игорь, Семён и Настя тут же подключились — разделили работу дружно и споро.

Семён, самый сильный, вытаскивал сломанную мебель и мусор, отскребал битый кирпич и щебень из углов, таскал всё это вниз, на мусорную кучу. Взмок от пота, но ни разу не пожаловался. Настя, самая аккуратная, взялась за стены и мебель: влажной тряпкой стирала вековую пыль, двигалась бережно, боясь повредить старые вещи. Игорь чинил трещины в стенах, ремонтировал расшатанные стулья и столы, собирал и ставил печку-буржуйку — заново выводил трубу. Работа спорилась — руки у него были золотые. Дима же командовал парадом: сбивал паутину с потолка, разбирал документы в железном шкафу, чинил окна и дверные коробки, укреплял расшатанные стёкла.

Пыль поднималась столбом, оседала на лицах, волосах, одежде — все превратились в «серых человечков». Пот тек по щекам, размывая грязные разводы. Было тяжело, грязно, но никто ни разу не пожаловался.

Семён, перетаскивая очередной сломанный стул, переводил дух:

— Тяжело, но когда думаешь, что здесь будет настоящий опорный пункт — даже радостно. Теперь у нашего дома свой полицейский пост! Круто же!

Настя тем временем очищала шинель. Она осторожно стряхивала с неё пыль и сказала с улыбкой:

— Красивая шинель, правда? Почистим, повесим на самое видное место в опорном пункте — как историческую реликвию. Это будет очень символично.

Игорь ремонтировал стол, поднял голову и крикнул Диме: — Дима, теперь у тебя здесь будет кабинет! А мы будем забегать, присматривать. Наш маленький опорный пункт станет самым необычным полицейским участком во всей Воркуте!

Дима смотрел на троих друзей, которые самозабвенно навели порядок в его будущем рабочем месте. На душе стало тепло и даже немного защипало в глазах. Он — чужак из Москвы — приехал в этот ледяной городок один, а обрёл троих таких искренних друзей. Они помогают ему обжиться, обустроить опорный пункт, пустить корни в этом заброшенном квартале. Это дороже любых наград.

Они работали с самого утра и до вечера — шесть часов подряд, без передышки.

Мели, скребли, чинили, выносили, раскладывали. Мусор исчез, пыль стёрли, грязные пятна на стенах отчистили. Сломанные стулья и столы починили, печку-буржуйку собрали заново, приладили трубу. Окна и двери тщательно укрепили. Даже трещины в полу заделали цементом.

Старый деревянный шкаф вытерли насухо. Бумаги и папки аккуратно сложили. А капитанскую советскую шинель, которую Настя заботливо очистила и проветрила, повесили на самом видном месте — на стену опорного пункта. Тёмно-зелёный драп, алые петлицы, капитанские погоны — в чистой комнате шинель выглядела торжественно и почти величественно. Сразу стало ясно: у этого пункта есть душа.

Напоследок Дима разложил на столе своё удостоверение, полицейские бляхи и прочее казённое имущество. Игорь притащил с пятого этажа чистые стулья и плед, найденные когда-то на свалке. Настя повесила на окна чистые занавески. Опорный пункт, который пятнадцать лет был мёртвой заброшенной комнатухой, преобразился до неузнаваемости, а у входа повесили новую табличку с надписью «Опорный пункт полиции».

Да, он остался бедным: нет дорогого ремонта, мебель починена кое-как, всё больше с помойки. Но стало чисто, светло, тепло. На стене — советская шинель, на столе — новенькие полицейские атрибуты, у входа висит новая табличка полицейского пункта. Заброшенный пятнадцать лет участок обрёл новую жизнь. Благодаря их совместным усилиям он превратился в самый далёкий, но и самый тёплый полицейский пост во всей Воркуте.

Четверо стояли посреди обновлённой комнаты, разглядывая плоды своего труда. На грязных, запылённых лицах сияли улыбки — усталые, но счастливые. Глаза светились гордостью.

Когда с уборкой опорного пункта было покончено, Диму переполняла благодарность. Глядя на троих друзей, которые хлопотали рядом с ним с самого утра, он чувствовал, как на душе разливается тепло. Он достал из своей сумки две припасённые бутылки водки, выложил на стол принесённые из управления колбасу и хлеб и, улыбнувшись, сказал:

— Спасибо вам огромное за сегодняшнюю работу. Целый день провозились, привели пункт в порядок. Я вам очень признателен.

Игорь махнул рукой:

— Да брось, не выдумывай! Мы же друзья, помогать друг другу — святое дело. Тем более опорный пункт теперь прямо под нами — нам же и удобно.

— Вот именно, Дима, не стесняйся, — поддакнул Семён с доброй улыбкой. Настя молча кивнула, глядя на него тёплым взглядом.

Дима откупорил бутылку, разлил водку по четырём мискам. Крепкий спиртовой дух разлился по комнате, вытесняя остатки пыльного запаха. Он поднял свою миску и сказал с искренней ноткой в голосе, чуть подшучивая:

— Ну, за то, чтобы наш опорный пункт официально заработал! А если серьёзно, с тех пор как я приехал в Воркуту, мы только и делаем, что вместе пьём. Мы уже стали закадычными собутыльниками. А теперь, когда пункт открылся, так и вовсе будем собираться здесь каждый день. Ваше здоровье!

Все трое рассмеялись, подняли миски, чокнулись с Димой и хором крикнули:

— Ваше здоровье!

Водка обожгла горло и разлилась по телу горячей волной, смыв усталость целого дня. Четверо устроились в чистом, уютном опорном пункте, ели хлеб с колбасой, пили водку, болтали и смеялись. Атмосфера была тёплой и по-домашнему радостной.

И вдруг, когда водка развязала языки, Дима обратил внимание на то, чего раньше не замечал: в опорном пункте были и свет, и вода, и батареи.

Управление заранее вызвало мастеров, подключило пункт ко всем коммуникациям. Печка-«буржуйка» тоже работала исправно. В комнате было тепло и уютно — разительный контраст с холодом на улице, а уж с квартирой Игоря на пятом этаже, где не было ни воды, ни света, ни батарей, и сравнивать было нечего: там стоял лютый холод, стены промерзали насквозь.

Улыбка на лице Димы мгновенно погасла. Он нахмурился, в груди вскипела злоба, смешанная с острым чувством несправедливости.

Он поставил миску на стол, повернулся к Игорю и заговорил, не скрывая ни гнева, ни боли:

— Игорь, почему в моём опорном пункте есть и вода, и свет, и тепло, а в вашей квартире — ничего? Водопровод, электричество, отопление в этом доме технически есть! Вы живёте здесь уже сколько времени, мёрзнете, голодаете, у вас нет даже самых элементарных условий! Почему государственные органы на это забили? Как так можно?

Игорь на минуту растерялся, потом улыбнулся и махнул рукой, стараясь казаться беззаботным:

— Да ничего страшного, мы уже привыкли. Этот район заброшен уже много лет, власти про него забыли. Мы приезжие, на нас никто не обращает внимания. Перебьёмся как-нибудь. Заработаем деньги — сами решим эту проблему.

— Что значит «перебьёмся»? — Дима вскочил с места, его голос зазвучал ещё гневнее, а в глазах вспыхнуло негодование. — Это вопрос базовых жизненных потребностей! Вы — законные жильцы, вы имеете полное право на воду, свет и тепло! Я участковый этого района, моя обязанность — защищать порядок и заботиться о людях. Я не могу спокойно смотреть, как вы живёте в ледяной конуре, а мой опорный

пункт топят так, что хоть раздевайся. Это несправедливо!

Семён и Настя опешили, глядя на разгневанного Диму. Их переполняла благодарность, но они боялись, что он наживёт себе неприятности. Настя заговорила мягко:

— Дима, не злись, не горячись. Чиновники не любят связываться с такими мелкими делами. Не стоит нам ссориться с ними, это может выйти боком.

— Нет, этот вопрос надо решать, и немедленно! — Дима был непреклонен. — Я сейчас же еду в администрацию, буду добиваться справедливости. В течение недели я добьюсь, чтобы в вашей квартире появились вода, свет и отопление! Вы не должны больше мёрзнуть!

Сказано — сделано. Дима оставил миску, быстро надел форму, поправил фуражку. Лицо его стало серьёзным, строгим. В форме он выглядел настоящим офицером — собранным, мужественным, неподкупным.

Он подошёл к порогу опорного пункта, повернулся к Игорю и сказал с расстановкой, не скрывая ответственности:

— Игорь, опорный пункт не должен закрываться в рабочие часы. Я поеду в администрацию и не знаю, сколько вре-

мении это займёт. Будь добр, посиди здесь за старшего. Если кто-то зайдёт по делу — прими, запиши, подожди меня.

Игорь кивнул, но не удержался от усмешки и подколот друга:

— Дима, на твоём участке всего одна квартира — наша. Кого мне тут встречать, когда ты уедешь? Ну, забредёт пара бродячих кошек или собак, не больше.

Дима, несмотря на серьёзность момента, невольно скривил рот в подобии улыбки, хлопнул Игоря по плечу и сказал уже строже:

— Не оstri. Даже если никого нет, оставлять пост без присмотра нельзя. И вот ещё что: предупреждаю — ни в каком случае не вздумай надевать ту старую советскую форму из шкафа и притворяться полицейским. Это незаконно. Если кто-то узнает, последствия будут тяжёлыми. Запомнил?

Игорь, увидев, как посерьёзnel Дима, сразу перестал шутить и торжественно кивнул:

— Не волнуйся, я понял. Форму не трону, опорный пункт посторожу. Жди нас с победой.

Дима ещё раз всё проверил, убедился, что Игорь всё понял, развернулся и быстро вышел. Он вскочил на велосипед и помчался к зданию администрации — ветер свистел в ушах, спина была прямой, решительной. Он был полон решимости добиться справедливости для своих друзей.

Игорь, Семён и Настя смотрели ему вслед. На душе у них было тепло и горьковато, на глаза наворачивались слёзы. Они никогда не смели даже мечтать о том, чтобы в их квартире появились свет, вода и отопление. Но Дима воспринял их беду как свою собственную. Не побоялся полезть в драку с чиновниками, чтобы защитить их. Такой дружбы они не забудут никогда.

Здание воркутинской администрации — старое, советской постройки. Оборудование обветшалое, работают бюрократы медленно и лениво. В таких местах к делам отдалённых, заброшенных районов всегда относились по принципу «отмазаться любой ценой, протянуть сколько можно». Никому не было дела до тех забытых уголков.

Дима нёсся на велосипеде, обгоняя ветер. Добрался до крыла правительственного здания, где размещался многофункциональный центр, и зашёл в отдел коммунального хозяйства — в окно, отвечающее за подключение воды, света и отопления для населения.

За окошком сидел чиновник средних лет. Он забросил ногу на ногу, неторопливо потягивал чай, листал газету — вид самый расхлябанный. Увидев, что подошёл полицейский, он лишь приподнял веки и процедил сквозь зубы, даже не думая вставать:

— Вам чего, товарищ? С чем пожаловали?

Дима сдержал гнев, подошёл к окошку и строгим голосом объяснил цель визита:

— Здравствуйте. Я участковый уполномоченный пятого дома в Западном районе, лейтенант Дмитрий Алексеевич Воробьёв. Жильцы моего участка проживают на пятом этаже этого дома, квартиру приобрели законно. До сих пор у них нет ни воды, ни света, ни отопления — условия невыносимые. Я требую немедленно подключить им коммуникации и обеспечить базовые условия жизни.

Чиновник, услышав это, скривил губы в усмешке. Отложил газету, не спеша отхлебнул чай и ответил на редкость равнодушно:

— Какой такой район? Там уже много лет никто не живёт. С чего вдруг подключать воду и свет? Если бы там бы-

ли жильцы, я бы знал. А решение о подаче тепла принимает не кто попало. Кроме того, сети там давно пришли в негодность, ремонт дорогой. Ради одной-двух квартир никто не будет поднимать шум. Возвращайтесь, это дело не решаемое.

— Не решаемое? — в Диме мгновенно вскипела ярость. Голос стал ледяным, взгляд острым. — Перед вами законные жильцы с документами о собственности, они защищены законом. Подключить им воду, свет и тепло — ваша прямая обязанность. С какой стати это не решаемо? В том же доме мой опорный пункт подключён ко всем коммуникациям — почему жильцы хуже? Это дискриминация и бездействие!

— Я же сказал — не решаемо, вы что, русского не понимаете? — Чиновник тоже завёлся, поставил чашку на стол и заговорил раздражённо. — Сети старые, ремонтировать некому, денег нет — причин хоть отбавляй. Вы, товарищ участковый, слишком много на себя берёте. Занимайтесь своей полицейской работой и не лезьте в чужие дела. Проходите, не мешайте.

Соседние чиновники тоже закивали, зашептались, показывая на Диму пальцами. В голосах сквозило пренебрежение: дескать, лезет не в своё дело, тащится из-за какой-то глухой квартиры — никто его всерьёз не воспринимал.

Дима, глядя на эту армию бюрократов, окончательно потерял самообладание. Он выпрямился во весь рост, полицейская форма придавала ему внушительный вид. Голос его прозвучал громко и властно, заставив всех вздрогнуть:

— Повторяю в последний раз. Немедленно выделить рабочих и подключить воду, свет и отопление в квартире пятого дома. Через неделю работы должны быть закончены!

— Невозможно. Хоть тресни — не сделаем! — чиновник и не думал уступать.

Взгляд Димы стал ледяным. Он вытащил своё удостоверение и с силой шлёпнул им по стойке окошка. Голос зазвучал с металлической ноткой, в которой слышалась явная угроза:

— Я выпускник Московского университета МВД, добровольно приехал служить в Воркуту. Моё личное дело напрямую курируется Министерством внутренних дел в Москве. Если вы откажетесь выполнять свои обязанности, будете халатно относиться к нуждам граждан — я прямо сейчас позвоню в Москву и сообщу вышестоящему начальству о вашем бюрократизме. Тогда никто из вас не сохранит это место — все пойдёте под сокращение. Будете сидеть без работы.

В комнате повисла гробовая тишина. Все чиновники

остолбенели. Пренебрежение и заносчивость мгновенно сменились ужасом и паникой.

Московский университет МВД — это прямая связь со столичным министерством. В таком захолустье, как Воркута, такой статус был подобен «мечам-кладенцам»!

Воркута маленькая, бюрократическая система замкнутая, и больше всего здесь боятся внимания из Москвы. Если столичные органы заинтересуются, начнут проверку и накажут — то мелкие чиновники могут отделаться выговором, а могут и вовсе вылететь с работы, лишившись куска хлеба.

Средних лет чиновник уставился на настоящее удостоверение в руке Димы, слушая его железные слова. Лицо его побелело, ноги подкосились. Вся его недавняя наглость и упрямство испарились. Он вскочил, закланялся, заюлил с подобострастно-испуганным видом:

— П-простите, товарищ лейтенант! Это мы виноваты, это мы оплошали! Сейчас же сделаем, немедленно!

Остальные чиновники тоже обступили Диму, растянув рожи в угодливых улыбках, наперебой извиняясь. О лени и пренебрежении не осталось и помину — все заметались в панике, страшась, что Дима и в самом деле позвонит в Москву

и они лишатся работы.

Дима смотрел на их трусливое раболепие — брезгливость переполняла его. Но спорить дальше не стал. Голос оставался суровым:

— Даю вам неделю. Ровно через семь дней в квартире должны быть вода, свет и тепло. Если не сделаете — пеняйте на себя. Я своё слово сдержу, позвоню в Москву. Последствия вам объяснять не надо.

— Есть, есть! Всё сделаем, через неделю всё будет готово! — закивал чиновник, не смея медлить ни секунды. Он тут же схватил телефон, начал обзванивать ремонтную службу, требовать рабочих и материалы, в срочном порядке подключать пятую хрущёвку. От прежнего безразличия не осталось и следа — наоборот, засуетились с невиданной прытью.

Дима, убедившись, что всё улажено, спрятал удостоверение и вышел из администрации. Гнев немного утих. Он знал: под давлением его московского статуса эти бюрократы не посмеют халтурить. Скоро у Игоря и остальных появятся вода, свет и тепло.

Но он не учёл одного: торопясь из дома, он не зарядил телефон, и батарея села. Аппарат выключился. А в это время

в самом Дом 5 назревал внезапный кризис...

Спустя двадцать минут после того, как Дима покинул опорный пункт, Насте пришлось время идти на работу. Она оставила Игоря и Семёна в опорном пункте полиции и отправилась в магазин.

Днём в магазине всё шло как обычно. Но ближе к вечеру туда ворвались трое подозрительных типов — местные воркутинские хулиганы, бездельники, которые только и знали, что вымогать и грабить. Главаря, блондина с наглой рожей, все в округе знали как отъявленного бандита. Он постоянно шастал по рынкам и магазинам, вымогая дань у торговцев.

Хозяин магазина, дядя Вася (Василий), был стариком под шестьдесят, мирным, не любил ссор. Он уже много раз страдал от этих вымогателей, но терпел — боялся.

Жёлтый вместе со своими двумя подручными подошёл прямо к прилавку, поставил ногу на табурет и, нагло ухмыляясь, рывкнул на старика:

— Эй, старый, пора платить за этот месяц. Пять тысяч рублей. Давай живо, а не то я разнесу твою лавку в щепки!

Старик трясся от страха, лицо побелело. Он взмолился:

— Браток, магазинчик у меня маленький, торговля идёт плохо. Может, скинешь? Три тысячи дам? Пять — никак не потянуть

— Чего мелешь? Пять тысяч, ни копейкой меньше! — зарычал Жёлтый и с силой стукнул по прилавку. — Не вытацишь деньги — разгромлю всё к чёртовой матери, и будешь сидеть на бобах!

Настя видела, как хулиганы издеваются над стариком. Её чувство справедливости вскипело мгновенно. Она была девушкой бойкой, смелой, таких не боялась. Она шагнула вперёд, заслонила собой дядю Васю, упёрла руки в боки и с гневом выпалила:

— Совесть потеряли? Это законный магазин, с какой стати вы требуете с него дань? Вы уже не раз приходили вымогать — мы сыты по горло! Убирайтесь по-хорошему, а то я полицию вызову!

Жёлтый перевёл взгляд на Настю. Увидел, что она молодая и красивая, и в его глазах промелькнула похоть. Но наглость никуда не делась.

— Полицию? Давай, вызывай! В этой дыре полиции плевать на такие дела. Я здесь король! Не заплатите — я и до

тебя доберусь!

Двое его подручных заржали и начали наступать на Настю, скаля зубы. Дядя Вася попытался их остановить, но Жёлтый оттолкнул его, и старик упал на пол.

Настя понимала: если сейчас позвонить в обычную полицию, приедут, заберут хулиганов, а те через день вернуться и устроят ещё более жестокую месть. Старик не выдержит. Настоящая защита — это Дима, свой человек.

Она дрожащей рукой достала телефон, набрала номер Димы. Но в трубке зазвучало: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Батарея телефона Димы села. Дозвониться невозможно!

У Насти внутри всё оборвалось. Дима отключён, бандиты наглеют, и некому их остановить. Обычный вызов ничего не даст: полицейские сделают вид, что разобрались, а хулиганы потом отыграются на старике с утроенной силой. Да и она одна, против троих здоровенных мужчин — не справиться.

Жёлтый, видя её растерянность, расхохотался:

— Не дозвонилась? Я ж говорил — мусорам на вас пле-

вать! Гони деньги, а то плохо будет!

Настя сделала вид, что держится уверенно, но внутри запаниковала. Она понимала: сегодня, если не унять эту банду, дядю Васю ограбят, магазин разнесут, да и её саму могут обидеть. Другого выхода нет. Она, пряча телефон под прилавком, торопливо отправила Игорю голосовое сообщение: коротко объяснила ситуацию и попросила срочно прийти на помощь. А сама встала у прилавка стеной — тянуть время.

В это время в опорном пункте Игорь и Семён сидели за столом, бездельничали, убивали время. Вдруг телефон Игоря пиликнул — пришло сообщение от Насти.

Прочитав, Игорь побледнел, резко вскочил, в глазах — тревога и ярость:

— Плохо! Настя в магазине в беде. Какие-то хулиганы вымогают деньги. Телефон Димы отключён, не дозвониться. Надо срочно туда!

Семён тоже вскочил, голос дрожит:

— Н-но нас только двое, а их, Настя сказала, трое, и у них ножи! Нам не справиться

Игорь заметался по опорному пункту. Сердце колотилось как бешеное.

Димы нет, телефон молчит, вызывать обычную полицию — долго, они приедут, а магазин уже разнесут, Настю и старика покалечат.

Что делать? Что же делать?

Взгляд Игоря случайно упал на стену, где висела старая советская шинель капитана милиции — тёмно-зелёный драп, красные петлицы, капитанские погоны. Внушительная, строгая.

В голове всплыло предупреждение Димы: «Ни в коем случае не надевай старую форму, не притворяйся полицейским — это незаконно!»

Но сейчас Настя в опасности, старика бьют, бандиты беснуются. Другого выхода нет.

Игоря раздирали противоречия. С одной стороны — предупреждение Димы, черта закона, которую переступить нельзя. С другой — безопасность любимой девушки, права беззащитного старика. Тяжёлый выбор заставлял его ладони взмокнуть, а сердце бешено колотиться.

Его охватил страх и невероятное напряжение. Притворяться полицейским — это преступление. Если раскроют — пострадает не только он сам, но и Дима, и все остальные. Но если ничего не делать — Настю и хозяина магазина точно покалечат.

— Игорёк, что же делать? Настя нас ждёт — Семён чуть не плакал от волнения, глядя на друга.

Игорь стиснул зубы. В глазах мелькнула решимость.

Будь что будет. Сначала спасти Настю, разогнать бандитов. А потом хоть на коленях извиняться перед Димой. Даже если закон нарушу, даже если накажут, — не дам в обиду Настю!

— Семён, сиди в опорном пункте. Я иду в магазин! — бросил Игорь, быстро подошёл к стене, снял советскую милиционерскую шинель капитана, глубоко вздохнул и дрожащими руками надел её.

Шинель была широкой и тяжёлой. Он застегнул пуговицы — полы скрыли его обычную одежду. Тёмно-зелёный драп, красные петлицы, капитанские погоны. В этой форме Игорь сразу приобрёл внушительный вид. Но на душе кошки скребли. Руки и ноги тряслись, лицо едва держало маску

спокойствия — внутри всё кипело от страха: а вдруг раскусят, вдруг что-то пойдёт не так.

Он оправил шинель, подавил внутреннюю дрожь, постарался придать лицу строгое, начальственное выражение и широким шагом направился к магазину, где работала Настя.

По дороге сердце Игоря готово было выпрыгнуть из груди, ладони взмокли, ноги шли словно по вате. Но он держал спину прямой, голову поднятой, чтобы выглядеть как настоящий полицейский. Внутренний голос твердил: «Не бойся, главное — удержать лицо и запугать хулиганов, только бы не попасться!»

Путь занял всего несколько минут, но Игорю они показались вечностью. Тревога и стыд почти захлестнули его, но стоило вспомнить, что Настя в опасности, — он стискивал зубы и ускорял шаг.

Когда Игорь добежал до магазина, Жёлтый со своими подручными уже окружили Настю и дядю Васю. Они наседали всё наглее, Настя побледнела, но по-прежнему заслоняла старика, не отступая ни на шаг.

— Стоять!

Звонкий, властный окрик раздался от входа.

Все обернулись. На пороге стоял Игорь — в тяжёлой советской шинели капитана милиции. Грудь колесом, брови нахмурены, взгляд колючий. Он изо всех сил изображал строгого, неподкупного офицера. В душе трясся, руки ходуном ходили, но на лице ни тени сомнения — одна непреклонность. От него веяло силой.

Жёлтый и его прихвостни, увидев человека в старой милицейской форме с властным видом, остолбенели. Наглая ухмылка мигом сползла с их рож, сменившись ужасом. Они инстинктивно попятились, заметались в панике.

Они много лет промышляли в Воркуте, видали всяких полицейских, но такого — в странной старой форме — никогда. Однако погоны выглядели настоящими, а капитанское звание внушало трепет: такой молодой капитан — наверняка важная шишка из области, с такими лучше не связываться.

Игорь, подавив внутреннюю дрожь, неторопливой, уверенной походкой вошёл в магазин. Глаза впились в Жёлтого. Голосом, подражая Диме, он рявкнул:

— Средь бела дня вымогаете дань с предпринимателей, хулиганите, закон вам не писан? Немедленно бросьте всё и

катитесь отсюда! И чтобы я вас больше здесь не видел! А не то — всех в участок, посадим, по полной программе!

Голос звучал громко и властно, а шинель придавала ещё больше внушительности. Жёлтый и его компания совсем струхнули.

Жёлтый уставился на погоны — капитан. У него подкопились ноги. В голове пронеслось: такой молодой и уже капитан — наверняка прислали из вышестоящего управления, связываться нельзя, посадят — не выкрутишься.

— Т-товарищ полицейский, мы виноваты, мы не нарочно! Сейчас уйдём, больше никогда! — Жёлтый залепетал, побелел как мел. От недавней наглости не осталось и следа. Он бросился вон, даже пикнуть не посмел, а его подручные за ним — кубарем выкатились из магазина.

Всего за несколько минут трое отпетых хулиганов разбежались как тараканы, напуганные Игорем в старой советской форме. И больше никогда не посмеют вернуться за данью.

Увидев, что бандиты скрылись, Настя и дядя Вася наконец перевели дух и обессиленно рухнули на стулья.

Настя подошла к Игорю, взглянула на его советскую ши-

нель — и удивление, и радость смешались в её глазах, полных благодарности:

— Игорь, спасибо тебе огромное! Какой ты молодец! Если бы не ты — нам бы конец.

Старик тоже поднялся, принялся кланяться Игорю чуть не в пояс, слёзы на глазах:

— Спасибо, товарищ полицейский! Спасли мой магазин! Уж и не знаю, как вас отблагодарить!

Игорь, глядя на его благодарность, немного отпустил напряжение. Он снял шинель, прижал к себе, облегчённо выдохнул и криво усмехнулся:

— Я не настоящий полицейский. Это я так, притворился. У Димы телефон сел, не дозвониться. А в местную полицию веры нет. Вот пришлось пойти на хитрость.

Дядя Вася опешил, но потом растрогался ещё сильнее. Он тут же схватил Игоря за рукав, завёл вглубь магазина, набрал полный пакет колбасы, хлеба, консервов, молока и сунил Игорю в руки. Голос его дрожал от искренности:

— Полицейский ты или нет — а меня ты спас. Возьми это,

не отказывайся. Моё сердце, хоть так отблагодарю. Теперь-то эти проходимцы сюда больше носа не покажут!

Игорь отказывался, но старик был непреклонен. Пришлось взять. Он помог Насте успокоить дядю Васю, потом бережно прижал к себе шинель, подхватил тяжёлый пакет с продуктами и поспешил назад в опорный пункт.

Тем временем Дима уже вернулся из администрации. Он устало зашёл в опорный пункт, толкая перед собой велосипед, и увидел, что дверь открыта, а Игоря нет. Семён мялся, бормотал что-то невнятное про то, что Игорь пошёл к Насте, но толком ничего не объяснил.

Дима сел за стол, лицо его помрачнело. Он ждал возвращения Игоря, и в душе поднималась глухая злоба.

Вскоре Игорь вбежал в опорный пункт полиции, прижимая к груди советскую шинель и таща огромный пакет с продуктами. Увидев Диму за столом, он сразу понял: переступил черту. Опустил голову, не смея заговорить. Стыд и страх душили его.

Дима поднял взгляд — глаза ледяные, уставился на шинель в руках Игоря, потом на распахнутую дверь. В голосе его звучала суровая укоризна, хотя и с ноткой насмешки:

— Игорь, ну ты даёшь! Я просил тебя посторожить опорный пункт, дверь не оставлять. А ты? Ушёл самовольно, да ещё и напялил эту капитанскую шинель! Я лейтенант, а ты, получается, капитан. Мне теперь при встрече честь отдавать?

Игорь стоял с поникшей головой, весь виноватый. Он аккуратно положил шинель на стол и начал сбивчиво, но честно рассказывать всё как было: и про хулиганов в магазине, и про то, что Дима был недоступен, и как он, от отчаяния, притворился полицейским, чтобы разогнать бандитов. Голос дрожал, он без конца просил прощения:

— Дима, прости, я знаю, что нарушил закон, нельзя было форму надевать и притворяться. Но там Настя была в опасности, другого выхода просто не было. Поверь, я больше никогда так не сделаю.

Семён тоже поспешил на помощь, объяснил обстановку. А следом за ним в опорный пункт полиции вошла Настя и тоже начала извиняться, виновато опустив глаза.

Дима выслушал всё до конца. Гнев на его лице мгновенно угас, сменившись сначала болью, а потом стыдом.

Ему стало больно за Настю, он корил себя за то, что теле-

фон сел и он не смог вовремя прийти на помощь. А ещё ему стало стыдно за то, что он накричал на Игоря. Ведь Игорь спасал Настю и старика, защищал невинных людей. Поступил он, конечно, незаконно, но вынужденно. И главное — всё обошлось, хулиганы разбежались, никто не пострадал.

Дима вздохнул, смягчился, положил руку на плечо Игорю:

— Ладно, проехали. Ситуация была безвыходной, ты поступил как мог. В этот раз прощаю. Но впредь — ни-ни. Притворяться полицейским — это серьёзное нарушение. Хорошо, что всё обошлось, а могло быть совсем иначе. К тому же сейчас Россия, а ты надел советскую форму — юридически это уже не действующее обмундирование, так что формально состав лёгкий. Но в последний раз. Запомнил?

Игорь даже не ожидал такого быстрого прощения. На глазах выступили слёзы благодарности. Он закивал:

— Запомнил, на всю жизнь запомнил. Спасибо тебе, Дима.

Дима махнул рукой, попросил повесить шинель обратно на стену и строго наказал больше к ней не прикасаться:

— Повесь на место и забудь. Считай, ничего не было.

Игорь бережно повесил шинель, а потом выложил на стол пакет с продуктами, улыбнувшись:

— Это хозяин магазина передал. Спасибо, говорит, что разогнали вымогателей. Больше никто не посмеет сунуться к нему за данью.

Кризис миновал, недопонимание уладилось. С души у всех четверых свалился тяжёлый камень.

Тут Дима поделился с Игорем и Семёном новостями из администрации:

— Не волнуйтесь насчёт воды, света и тепла. Всё решено. Эти чинуши теперь трясутся, боятся московской проверки. Через неделю — обещали — подключат. Больше не придётся мёрзнуть.

У Семёна и Игоря от радости глаза засветились, лица расплылись в улыбках. Благодарность переполняла их.

Вечером, когда Настя вернулась с работы, они накрыли ужин.

Смеркалось. В опорном пункте было тепло и уютно. Ди-

ма снова достал водку, выложил на стол всё, что дал старик: колбасу, хлеб, консервы, молоко. Собралась целая снедь — простая, но от души.

Вчетвером они сели за стол, подняли миски с водкой и переглянулись с улыбкой.

Дима посмотрел на троих друзей и сказал искренне:

— Ну, сегодняшние неприятности позади. Спасибо Игорю, что не струсил, заступился за Настю и за дядю Васю. Спасибо всем вам, что помогли обустроить опорный пункт. Мы теперь как одна семья. Будем друг другу опорой. Никто нас больше не обидит. А жизнь обязательно наладится.

Игорь улыбнулся в ответ:

— Какая семья? Одна семья! Спасибо говорить не надо. Будем вместе зарабатывать, вместе долг отдавать, вместе жить да поживать.

Семён и Настя счастливо закивали, в глазах — светлая надежда.

Четыре миски звонко чокнулись. Они выпили до дна. Жгучая водка обожгла горло и разлилась теплом, а смех и

шутки наполнили маленький, заново рождённый опорный пункт, который пятнадцать лет был нем и пуст.

За окном по-прежнему выл ветер, но в комнате было тепло — от дружбы, от справедливости, от простого человеческого участия. Всё это разгоняло холод и невзгоды.

Дима взглянул на советскую шинель на стене, потом на друзей. Сердце его наполнилось уверенностью. Он не зря отказался от московской карьеры и приехал в этот ледяной край. Ради таких людей — искренних, смелых, надёжных — он готов нести службу где угодно. Теперь он точно знал: всё не зря.

Игорь тоже успокоился. Посмотрел на Настю, на Диму, на Семёна, подумал о доме, где скоро появятся вода, свет и батареи. Давление долга, горечь трудной жизни — всё это вдруг стало казаться таким незначительным. Главное, что они вместе, что у них есть опора и будущее.

Обещанная неделя до подключения коммуникаций близилась к концу. Тепло уже подступало к стенам этой заброшенной хрущёвки. А дружба четверых была нерушима.

В этом забытом богом доме у самого Полярного круга, в этом ожившем опорном пункте четыре обычных человека —

каждый по-своему — начинали писать свою историю. Тёплую, дерзкую, полную надежды. И впереди у них было много света.

Глава 6. Ледяной дом стал тёплым: мечта сбылась

Эффективность воркутинских государственных ведомств под давлением полномочий из Москвы превзошла все ожидания.

Уже на следующий день после того, как Дима побывал в администрации — на второй день из обещанной недели — большая бригада рабочих прибыла в пятую хрущёвку. Они привезли полный набор инструментов, электрических кабелей, водопроводных труб и отопительных деталей. В доме, который простоял заброшенным пятнадцать лет, наконец раздались удары молотков. Звуки ремонта разносились по пустому кварталу, словно увертюра к новой жизни этого давно забытого здания.

Игорь, Семён и Настя с самого утра дежурили внизу. Дима специально отпросился с работы. Вчетвером они стояли у подъезда, не отрывая глаз от хода ремонта, дышали очень тихо и боялись пропустить этот исторический момент.

Работы продолжались с раннего утра до позднего вечера пятых суток. Монтажники не теряли времени даром: прокладывали новую электрическую проводку, монтировали водопроводные трубы, ремонтировали отопительные стояки. Все ветхие провода полностью заменили, повреждённые тру-

бы снова соединили, а заклинившие вентили отопительной системы отремонтировали один за другим. С каждым новым этапом работ сердце у четверых друзей билось всё чаще.

Через несколько дней солнце клонилось к закату, и золотистые лучи легли на стены жилого дома. Последний рабочий плотно затянул вентиль отопительной системы, поднялся, вытер пот со лба и крикнул Диме и Игорю, которые ждали рядом:

— Товарищ лейтенант! Всё сделано! Вода, электричество и отопление полностью подключены, проверяйте — всё работает исправно!

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба и мгновенно наполнили сердца четверых безграничной радостью.

Игорь дрожал от волнения, быстро взбежал на пятый этаж, вошёл в квартиру и дрожащей рукой нажал на выключатель на стене.

«Щёлк!» — и тусклый, тёплый свет мгновенно наполнил всё помещение. Он разогнал многолетнюю тьму и холод, осветил облупившиеся стены, столы и стулья у костра, а также взволнованные лица четырёх друзей.

Загорелся свет! Он действительно загорелся!

Они жили в этом холодном неотделанном помещении очень долго. Раньше они освещали комнату только костром, а днём довольствовались естественным светом, передвигались на ощупь. Теперь у них появилось электричество! Больше не нужно бродить в темноте, по ночам их теперь окружа-

ет тёплый свет.

— Свет дали! У нас есть свет! — Настя закрыла рот рукой, её глаза сразу покраснели, и по щекам потекли слёзы. Это были не слёзы горя, а слёзы радости и облегчения после долгих лишений. Она подошла к лампе и осторожно коснулась её тёплой поверхности — в душе стало невероятно уютно.

Семён тоже ликовал, бегал по комнате круг за кругом и повторял без остановки:

— Есть лампа! Больше не придётся сидеть в темноте! Как же здорово!

Затем Игорь побежал на кухню и повернул кран. Чистая вода шумно потекла из крана — она была прозрачной, без мути и перебоев.

— У нас есть и вода! — воскликнул Игорь, в его голосе слышалась еле сдерживаемая дрожь. Он подставил ладони под холодную струю, и этот холод вызвал в его душе волну тепла. Теперь им не нужно было топить снег внизу или ходить далеко за водой — в доме появился полноценный водопровод.

Дима подошёл к отопительной батарее и коснулся её поверхности. Сначала она была ледяной, но вскоре постепенно стала тёплой, а потом и горячеей. Тепло медленно распространялось по всей комнате, вытесняя холод, который копился здесь пятнадцать лет. Даже холодный цементный пол постепенно прогрелся.

— Батареи тоже нагрелись! Всё подключено, всё работает!

— Дима смотрел на происходящее с огромным облегчением, на его лице появилась долгожданная спокойная улыбка. Он добился справедливости для друзей: теперь им не придётся мёрзнуть в холодной комнате и вести примитивный образ жизни без воды и электричества.

В этот момент четверо друзей стояли в тёплой, светлой комнате, глядели на горящую лампу, текущую воду и нагретые батареи. Они больше не сдерживали волнения, обнялись и закричали от радости. Их смех разносился по комнате и долго не затихал.

Вот оно, вознаграждение за все страдания.

В этом суровом городке у самого Полярного круга, в этом заброшенном пятнадцать лет доме у них наконец появился настоящий дом с водой, электричеством и отоплением — место, где можно укрыться от ветра и стужи, тёплое и уютное.

Чтобы отпраздновать этот долгожданный момент, друзья решили устроить небольшой праздник. Настя встала за плиту, помыла продукты под проточной водой, сварила густой борщ, поджарила сосиски и испекла чёрный хлеб. Игорь достал водку, купленную несколько дней назад, а Дима принёс из опорного пункта пакет варёных свиных ушей, приобретённых в городке. Стол был заставлен разными яствами.

В комнате царил тёплый свет, от батарей шло тепло, по воздуху разносились ароматы еды и водки.

Четверо друзей сели за стол, подняли рюмки, и на их лицах играли счастливые улыбки.

Игорь поднял свою рюмку, посмотрел на Диму, его голос дрожал от благодарности:

— Дима, мой дорогой друг! Я никогда не забуду всё, что ты для нас сделал. Если бы не ты, мы не знаем, сколько ещё пришлось бы мучиться. Спасибо тебе!

— Мы же друзья, не стоит таких слов, — с улыбкой поднял рюмку и Дима, его взгляд был искренним. — Моя прямая обязанность как участкового — позаботиться о благополучии жителей своего района. Теперь мы будем спокойно и счастливо жить в этом тёплом доме.

Настя и Семён тоже подняли рюмки, в глазах — радость и благодарность. Звон бокалов, водка обожгла горло, тепло разлилось по телу. Все страдания, все муки в этот миг исчезли, остались только тепло и счастье.

Этой ночью они пили допоздна. Без суеты, без шума — только семейное тепло вокруг одного стола. Ледяной дом наконец согрелся, и души тоже согрелись.

После того как появились вода, свет и отопление, жизнь пошла гладко. Две недели пролетели как миг.

Торговля Игоря уже вошла в колею, наступила стабильность. С таким участковым, как Дима, никакие хулиганы не смели связываться. Шахтёры ему доверяли, постоянных клиентов становилось всё больше. Кроме сигарет, водки и шах-

тёрского инструмента, он брался за доставку, мелкие поручения, перевозку грузов. Каждый день — рано утром уходит, поздно вечером возвращается, тяжело, но доходы хорошие.

Он больше не экономил каждую копейку, не голодал и не мёрз. Каждый день приносил реальные деньги. Семён работал с ним, шустро, без жалоб, стал его правой рукой. Настя днём — в магазине, вечером — дома: готовит, убирает, ждёт их с горячим ужином. Жили тихо и тепло, по-домашнему.

Дима по-прежнему нёс службу в опорном пункте внизу. Каждый день — патруль, обходы, хотя на участке был только Игорь со своими. Он исправно делал своё дело, а в свободное время поднимался наверх, помогал по хозяйству, вместе с ними ужинал, болтал. Давно врос в эту маленькую семью — всё общее.

Однажды вечером Игорь с Семёном вернулись с работы, Настя уже приготовила ужин, Дима сидел за столом — ждал их.

Сели есть. Только начали — Дима вдруг отложил вилку, достал из своей сумки толстый конверт и положил перед Игорем. Сказал серьёзно, глядя в глаза:

— Игорь, здесь тридцать тысяч рублей. Возьми.

Игорь опешил, уставился на конверт, потом на Диму:

— Дима, ты чего? Я не могу взять твои деньги.

— Послушай, — Дима улыбнулся, но в голосе звучала твёрдость. — Я каждый день к вам хожу обедать, а когда поздно, остаюсь ночевать на вашей кухне. В опорном пункте тоже можно жить, но там бездушно, не то что у вас. Тридцать тысяч — это как квартирная плата за то, что я живу у вас на кухне, и за еду. Ты должен их взять.

Игорь решительно замотал головой, отодвинул конверт:

— Нет-нет, тридцать тысяч — это слишком много! Мы же братья! Мы только рады, что ты здесь живёшь. Какая квартирная плата? Если по-честному — восемьсот рублей в месяц хватило бы, для порядку. Больше я не возьму.

— Что я могу сделать на восемьсот рублей? — Дима снова пододвинул конверт, похлопал Игоря по плечу с упрямой ноткой. — Я знаю, ты должен за квартиру, тебе тяжело. Не отказывайся. Считаю, я помогаю тебе отдать долг. Мы же братья — не надо считать, кто кому сколько должен. Твои трудности — это мои трудности.

— Но это слишком много — Игорь растрогался, глаза защипало, он хотел отказаться.

— Никаких «но». Бери. — Дима перебил твёрдо. — Мы — одна семья. К чему эта бухгалтерия? Бери и гаси долг. Потом вздохнёшь свободно и заживёшь спокойно.

Настя тоже поддержала:

— Игорь, Дима от души. Возьми. С этими деньгами мы закроем весь долг.

Семён кивнул:

— Да, Игорёк, бери. Дима по-настоящему хочет помочь.

Игорь смотрел в искренние глаза Димы, слушал Настю и Семёна. Отказаться не смог. Сжал в руке конверт — тепло разлилось по груди. Все слова уместились в одно:

— Дима, брат Навек!

— Навек, — улыбнулся Дима. Они посмотрели друг на друга, и братство, не требующее слов, повисло в воздухе.

Наутро Игорь с деньгами отправился к дяде Володе. Сло-

жил всё, что заработал за последние дни, плюс премию от полиции и деньги Димы, и полностью расплатился с долгом — отдал последние девяносто тысяч.

Держа в руках расписку о погашении долга, Игорь стоял во дворе у дяди Володи, смотрел на бумажку. Камень, который висел на душе несколько месяцев, наконец упал.

Без долгов и дышится легко. Вот что значит свобода.

С того дня, как он занял деньги на квартиру, потом перебивался случайными заработками, а потом Дима протянул руку помощи — прошло несколько месяцев мытарств. И вот всё кончилось. У него был свой дом — без единого долга, полностью, абсолютно его собственный.

Вернувшись домой, Игорь объявил новость. Настя бросилась его обнимать, Семён закричал от радости, Дима искренне обрадовался за друга. Они снова подняли рюмки — за полное освобождение от долгов, за то, что горькое осталось позади.

После того как долг был закрыт, у Игоря ещё остались кое-какие деньги. Он посоветовался с домашними и решил — пора сделать ремонт. Чтобы из голой бетонной коробки получился настоящий тёплый уютный дом.

Вместе поехали на мебельный рынок Воркуты. Долго выбирали материалы и мебель: купили обои небесно-голубые, мягкие, тёплого оттенка; взяли матовую пенную плитку молочного цвета — на пол, нескользящую и тёплую; выбрали новую люстру и бра тёплого жёлтого света взамен старых ржавых; нашли по объявлению в интернете подержанный деревянный диван, обеденный стол, шкаф — пусть бэушные, но крепкие, чистые, добротные. Купили новые шторы, ска-терть, пледы. Каждую мелочь выбирали с любовью, с надеждой на то, что дом наконец станет по-настоящему своим.

В следующие несколько дней они вчетвером сами взялись за ремонт — не стали нанимать рабочих. Сами клеили обои, укладывали пенную плитку, меняли светильники, расставляли мебель.

Семён был самым сильным, он таскал мебель и убирал пол во время ремонта. Настя была очень аккуратной: клеила обои, вешала шторы и занималась текстильным декором. Игорь взял на себя технические работы: менял светильники, закреплял мебель и ремонтировал повреждённые участки стен. Дима также отложил служебные дела на время и приходил помогать — подавал инструменты, подносил необходимые вещи. Все работали с большим воодушевлением.

В помещении было много пыли, повсюду мелькали фигуры занятых людей, но вокруг не смолкали смех и весёлые разговоры.

— Игорь, обои немного сместились вправо, подвинь их левее, чтобы получилось ровнее.

— Семён, неси диван осторожнее, не повредишь стену!

— Настя, эти шторы отлично смотрятся здесь, в комнате стало полно уюта.

— Дима, подай отвёртку, спасибо, брат.

Голоса людей, смех и стук инструментов сливались воедино, образуя самую прекрасную мелодию.

Всего за несколько дней холодная неотделанная бетонная комната полностью преобразилась. На стенах были наклеены небесно-голубые обои — чистые и тёплые. На пол уложили матовую пенную плитку молочного цвета, мягкую и тёплую. Новые светильники заливали помещение мягким тёплым светом. Подержанный, но прочный диван и обеденный стол были покрыты пёстрой скатертью и пушистыми пледами, вся мебель стояла аккуратно. Когда они задёрнули шторы, холодный ветер с улицы сразу перестал беспокоить, в комнате царило тепло и покой. В каждом углу чувствовался настоящий дух дома, не осталось и следа от старого заброшенного помещения.

Стоя в полностью отремонтированной квартире, четверо друзей окидывали взглядом результаты своего труда, в их глазах сияли чувство удовлетворения и счастье.

Это было не временное пристанище, а настоящий дом — тёплый, уютный, общий дом для них четверых.

Ремонт был завершён, жизнь стала спокойной и приятной.

Прошла ещё одна неделя.

Дима периодически, как и прежде, ездил в главное управление полиции Воркуты на совещания и для сдачи служебных рапортов. В этот день он вошёл в кабинет, где находился начальник Управления внутренних дел Николай Иванович, приехавший с рабочей проверкой. У начальника появилась неожиданная идея. Он подошёл к Диме с толстой папкой документов, с горькой усмешкой положил папку на стол.

— Дима, посмотри. У нас накопилось множество затянувшихся нераскрытых уголовных дел со времён СССР. Десятилетиями их не удавалось раскрыть, здесь также содержатся списки разыскиваемых преступников — все это висячие дела. — Начальник тяжело вздохнул, в его голосе слышалась безысходность. — Эти люди совершили преступления много лет назад. Из-за недостатков криминалистической техники того времени большинство из них давно скрылось от следствия. Кто-то, вероятно, умер, а кто-то сбежал за границу. За десятки лет не появилось ни одной зацепки. Мы проводили повторные проверки многократно, но безрезультатно. Эти дела стали безнадежными.

Дима взял папку и открыл список разыскиваемых. На пожелтевших листах плотно были написаны имена, размещены размытые старые фотографии и описания преступлений. Почерк на бумаге частично стёрся. Это были дела тридцати — сорокалетней давности: кражи, грабежи, крупные экономические преступления, а также дела в отношении лиц,

скрывающихся от следствия. Каждое из этих дел лежало без движения десятилетиями и стало настоящей головной болью для воркутинской полиции.

Дима бегло просмотрел документы, невольно усмехнулся и покачал головой:

— Прошло столько лет, все нити расследования давно оборваны. Найти этих людей в огромном мире труднее, чем подняться на небо. Похоже, эти дела никогда не удастся раскрыть.

— Согласен с тобой, — начальник сел напротив него, отпил чай. В его голосе появились шуточные нотки, но он говорил очень серьёзно. — Дима, ты талантливый выпускник из Москвы, обладаешь знаниями и способностями, всё управление возлагает на тебя большие надежды. Скажу прямо: если ты сумеешь выявить и задержать хотя бы одного из этих старых разыскиваемых преступников, я немедленно подам ходатайство о твоём повышении в должности. Ты перейдёшь из лейтенантов в старшие лейтенанты. Мы повысим твой оклад и служебный ранг, я держу своё слово.

Дима немного удивился, затем улыбнулся. Предложение было заманчивым, но он отлично понимал, насколько сложна эта задача:

— Товарищ полковник, это невероятно сложно. Это многолетние дела, нет никаких зацепок. Боюсь, мне не под силу справиться с этим.

— В жизни всякое случается, — начальник похлопал его

по плечу и улыбнулся. — Ты молодой, полон энергии и энтузиазма. Возможно, тебе повезёт. Работай, я верю в тебя.

Дима кивнул и убрал папку с документами. Он не питал особых надежд на успех, но запомнил данное обещание. Звание старшего лейтенанта — это не только почёт, но и признание его служебных заслуг. Если появится подходящая возможность, он обязательно её использует.

В это же время Игорю для ведения торговли понадобилась банковская дебетовая карта. Она облегчала переводы денежных средств клиентов и позволяла нормально оборачивать капитал. Во второй половине дня он выкроил свободное время и пошёл в центральный сберегательный банк Воркуты, чтобы оформить банковскую карту и открыть счёт.

В банке посетителей было немного. Игорь получил электронный талон и сел в зале ожидания. Случайно подняв голову, он заметил рядом с банкоматом невысокого щуплого мужчину в тёмной верхней одежде, шапке и медицинской маске. Мужчина полностью укутался, так что были видны только его глаза. Он вёл себя скрытно и подозрительно, постоянно озирался по сторонам.

В руках мужчина держал толстую пачку наличных средств. Он укладывал деньги в банкомат одна пачка за другой — сумма была очевидно крупной.

Игорь не придавал этому случаю особого значения. Он решил, что перед ним обычный предприниматель, который проводит оборот средств и вносит выручку на счёт. Для биз-

несменов крупные вклады — обычное явление, и Игорь даже немного позавидовал ему. Когда подошла его очередь, он подошёл к кассовому окну, оформил дебетовую банковскую карту и покинул банк.

Вернувшись домой, Игорь вместе с Настей старался освоить работу с мобильным приложением банка. В процессе Настя обнаружила, что банковский сотрудник без его согласия подключил несколько лишних инвестиционных услуг. С этих услуг регулярно списывались деньги, а отключить их было крайне сложно.

На следующий день Игорь пришёл в банк в плохом настроении и потребовал отменить все навязанные услуги.

У кассового окна он почувствовал сильное негодование. Он оформлял только дебетовую карту и не просил подключать никакие дополнительные опции, но банк самовольно добавил лишние сервисы — подобные действия были совершенно недопустимы. Сдерживая гнев, Игорь потребовал от сотрудника немедленно отключить все лишние услуги и указал на его непрофессиональную работу. Сотрудник многократно извинялся, объясняя всё сбоем системы, а не своей виной, и пообещал исправить ситуацию сразу.

В тот момент, когда Игорь оформлял отмену услуг, он краем глаза снова увидел того самого мужчину, который вчера вносил крупные суммы на счёт.

Мужчина был одет точно так же: в шапку и маску, его взгляд был насторожённым, а в руках он снова держал круп-

ную пачку наличных. Сумма вклада опять оказалась очень большой.

Игоря охватило любопытство. Как так получилось, что этот человек пришёл в банк второй день подряд, чтобы вносить крупные денежные суммы?

Он не подал внешнего вида, продолжил общаться с банковским сотрудником, но постоянно следил за подозрительным мужчиной краем глаза.

Вскоре он заметил странные детали в поведении незнакомца.

Во время внесения денег мужчина доставал несколько банковских карт разных цветов, выпущенных разными банками. После внесения очередной суммы он сразу менял карту. Все движения он совершал быстро и скрытно, опасаясь, что кто-то его заметит. Закончив операции, он мгновенно спрятал карты, оглядел всё помещение и, убедившись, что за ним не наблюдают, быстрым шагом вышел из банка. Его лицо выражало испуг и постоянную настороженность.

Игорь стал ещё более бдительным. Он наклонился к сотруднику и тихо спросил:

— Скажите, этот мужчина часто приходит сюда, чтобы вносить крупные суммы? Я видел его вчера, а сегодня он появился снова. Его поведение выглядит очень странно.

Сотрудник посмотрел в указанную сторону, тяжело вздохнул и ответил шёпотом:

— Да, этот человек приходил к нам каждые полмесяца по

три-четыре дня подряд. Он всегда вносит крупные наличные средства исключительно через банкомат и использует каждый раз новую карту, никогда не обращаясь в кассу. Мы тоже удивлялись его поведению и задавали ему вопросы. Он утверждал, что занимается бизнесом и вносит разрозненные денежные средства. Но нормальный предприниматель не будет использовать каждый день разные банковские карты для внесения наличных. Мы докладывали об этом руководству, но у нас нет никаких доказательств, а также отсутствуют полномочия для проведения проверок. Поэтому мы не можем вмешаться в ситуацию.

Услышав эти слова, любопытство Игоря сменилось полной бдительностью.

Странное поведение, стремление остаться незамеченным, регулярные крупные вклады и постоянная смена банковских карт — всё это не характерно для честных предпринимателей. Здесь явно скрывается что-то недоброе, скорее всего, незаконная преступная деятельность.

Закончив внесение денег, мужчина быстро вышел из банка, сел в старую чёрную легковую машину, припаркованную у входа, и уехал.

Игорь дождался полной отмены всех лишних услуг, попрощался с банковским сотрудником и поспешно вышел на улицу. Он нанял такси, чтобы проследить за незнакомцем и выяснить истинную причину его странных действий.

Он попросил водителя держаться на безопасном рассто-

янии, чтобы их не заметили. Так они проехали по множеству улиц и переулков, пока чёрная машина не остановилась рядом с заброшенным складом на окраине города. Мужчина вышел из автомобиля, настороженно оглядел окружение, убедился, что за ним нет слежки, и быстро вошёл в склад.

Увидев, что машина остановилась, Игорь велел таксисту остановиться примерно в трёхстах метрах от неё. Он расплатился за поездку, вышел и спрятался за руинами соседнего здания. Дождавшись, пока мужчина скроется в складе, он осторожно подошёл к автомобилю и заглянул в окно переднего пассажирского сиденья — от увиденного у него перехватило дыхание.

На пассажирском сиденье были разбросаны десятки паспортов разных стран и сотни банковских карт разнообразных цветов от разных финансовых учреждений. Все сиденье было полностью заставлено этими документами. Фотографии и имена в паспортах отличались друг от друга, а набор карт выглядел совершенно хаотичным. Очевидно, это были не легальные предметы.

Игорь сразу понял суть происходящего.

Это не просто подозрительное поведение. Перед ним, вероятно, находилась крупная точка по отмыванию денежных средств и подделке официальных документов!

Мужчина использовал фальшивые паспорта и банковские карты, чтобы вносить крупные суммы незаконно полученных наличных, распределяя их по разным счетам. Его мето-

ды были скрытными, а действия наглыми — это серьёзное уголовное преступление.

Игорь подавил сильное волнение и не решился действовать опрометчиво, опасаясь, что его обнаружат люди из склада. Он тихо развернулся и быстрым шагом покинул это место. Он собирался позвонить Диме, но в этот момент его мобильный телефон полностью разрядился. Тогда Игорь побежал в полицейский опорный пункт, чтобы лично сообщить Диме об обнаруженном факте. Это была важнейшая следственная зацепка, которую нельзя было упустить.

Игорь добежал до своего дома. Дима как раз вышел из опорного пункта — делал отжимания на свежем воздухе. Семён и Настя тоже были внизу. Все четверо собрались жарить шашлыки возле подъезда.

Увидев запыхавшегося, взволнованного Игоря, Дима сразу поднялся и озабоченно спросил:

— Игорь, что стряслось? Ты так бежал, случилось что?

Игорь перевёл дух, глотнул воды, успокоился и подробно, не торопясь, рассказал Диме всё: и про подозрительного мужчину в банке, и как он проследил за ним до заброшенного склада, и про паспорта и карты на пассажирском сиденье. Голос у него был взволнованный, но серьёзный:

— Дима, это может быть отмывочная точка. И судя по тому, как лихо они паспорта подделывают — возможно, крупное дело!

Дима, выслушав, посерьёзнул лицом. Он тут же зашагал в опорный пункт, на ходу натягивая куртку:

— Это серьёзно. Твои сведения очень важны. Самим лезть нельзя — сначала надо всё разведать, составить план, а потом подключить управление и взять точку.

Они обсуждали детали, когда Настя подошла с подносом шашлыков. Увидев суровые лица мужчин, она тихо сказала:

— Поешьте сначала. Какие бы дела ни были, надо подкрепиться, чтобы силы были.

Дима кивнул, сунул в рот кусок мяса и одновременно принялся звонить в управление — докладывать о находке.

Игорь обернулся к Насте, посмотрел на её нежное лицо — такое красивое, такое родное — и сердце его переполнилось любовью.

За это время — с тех пор, как они встретились, и до сих пор — Настя всегда была рядом. И в горе, и в радости, не

бросала. В самые тяжёлые дни она дарила ему тепло и поддержку. Теперь жизнь налаживалась: дом отремонтирован, долги выплачены. Игорь захотел дать Насте имя, обещание, настоящую семью.

Глядя на неё нежно и твёрдо, он дал себе слово: сегодня же сделать предложение. Жениться на ней. Обещать ей спокойную жизнь навсегда.

Пока Дима по телефону докладывал в управление, Игорь тихонько увёл Настю в сторону. Взял её за руку и сказал тихо, но с душой:

— Настя, спасибо тебе за всё это время. Ты была со мной и в трудностях, и когда мы выбирались из ямы. Теперь у нас есть дом, долгов больше нет. Я хочу дать тебе настоящий дом. Хочу дать слово на всю жизнь.

Настя смотрела в его нежные глаза, сердце колотилось, щёки заалели. Она догадывалась, что будет дальше, и смотрела на него с надеждой.

Игорь глубоко вздохнул, достал из кармана маленькую бархатную коробочку. Встал на одно колено, открыл крышечку. Внутри, подсвеченная лампами, сверкала серебряная колечка. Не очень дорогая, но выбранная на деньги, которые

он сам заработал. В ней — всё его сердце.

— Настя, я тебя люблю. Ты согласна стать моей невестой? Быть со мной всю жизнь? — Голос его звучал искренне, почти молитвенно. В глазах — ожидание. Сердце колотилось, ладони взмокли.

Настя смотрела на Игоря на коленях, на сверкающее колечко — и слёзы хлынули из глаз. Она закивала, голос дрожал, но ответ был твёрдым:

— Да! Игорь, я согласна!

— Ура! — Игорь вскочил, надел колечко на безымянный палец Насти и крепко обнял её. Счастье переполняло его. — Спасибо, Настя. Я буду любить тебя всю жизнь. Никогда не дам в обиду. Никогда больше ты не будешь страдать.

— Я верю тебе, — прошептала Настя, уткнувшись ему в плечо. Слёзы ещё текли по щекам, но это были слёзы радости. На лице расцвела счастливая улыбка.

Тут Дима закончил разговор по телефону, вышел на площадку, увидел эту картину и всё понял. Лицо его озарила улыбка — широкая, искренняя, он закричал вместе с Семёном:

— Поздравляю! Игорь, Настя!

— Здорово! Теперь вы наша семья!

Дима хлопнул Игоря по плечу:

— Молодец, парень! Как скрытно всё сделал — даже я не знал, когда ты кольцо купил. Поздравляю! Сбылось наконец!

Семён тоже кричал от восторга:

— Поздравляю, Настюха! Теперь вы одна семья!

Настя, покрасневшись, опустила глаза. Колечко на её пальце сверкало, обещая вечную любовь.

Это серебряное колечко Игорь купил несколько дней назад в ювелирной лавке. Долго копил, выбирал простое, но изящное. Продавец сказал, что такая модель лучше всего подходит для помолвки — она символизирует верность и вечность. Он хотел сделать предложение в какой-нибудь романтический момент, но так вышло, что сегодня, в день тревог и неожиданностей, слова сорвались с губ сами. Но момент оказался самым подходящим, любовь — самой настоящей. Всё сложилось само собой, и так вышло даже лучше,

чем он задумывал.

Вчетвером они сидели за уютным столом в опорном пункте. Шашлык дымился, свет струился тёплый, любимые сердца соединились, братская дружба стала ещё крепче. В доме поселилось счастье — такое тёплое, что словами не передать.

Игорь и Настя прильнули друг к другу, глаза сияли любовью. Дима и Семён подняли бокалы, желая им счастья. Смех и радость наполнили дом. В это мгновение всё самое лучшее пришло к ним в положенный срок.

Ликование от помолвки от предложения Игоря ещё не улеглось, когда через несколько часов раздался звонок от полковника Николая Ивановича. Он лично попросил, чтобы Игорь и Дима срочно прибыли в управление для совещания. Полковник особо подчеркнул, что присутствие Игоря, как ключевого свидетеля, обязательно. По словам Николая Ивановича, это дело, возможно, было связано с одним старым отмывочным делом, тянувшимся ещё с советских времён. Неотложность ситуации была очевидна, Игорь и Дима не смели медлить — и уже ночью они включились в разработку плана захвата.

Дима немедленно вернулся в управление и вместе с Игорем доложил обстановку начальнику УВД. Выслушав их, полковник тут же отдал приказ: поднять всю имеющуюся в управлении силу, придать Диме в помощники, на основе сведений, полученных от Игоря, в кратчайшие сроки ликвидировать отмывочную точку. Особо он подчеркнул: тщательно проверить всех, кто находится в этом гнезде — нет ли среди них старых преступников из списка разыскиваемых. Если обнаружатся — хватать немедленно.

Игорь по памяти подробно нарисовал карту: где находится заброшенный склад на окраине, какие подъезды, какие пути отхода. Несколько человек, перебирая варианты, снова и снова обсуждали план захвата, чтобы действовать наверняка, не спугнуть зверя и взять всех преступников разом.

Дима предложил провести операцию на рассвете второго дня: перед самым рассветом человек наиболее устал и бдителен меньше всего.

На следующее утро, когда небо ещё только серело, Дима с отрядом полиции бесшумно окружил заброшенный склад. Игорь, как осведомитель и помощник, был рядом с Димой — он знал местность и указывал путь.

Всё было готово. Дима скомандовал: отряд молниеносно

ворвался внутрь, высадив дверь склада с ноги.

Внутри несколько преступников пересчитывали наличные, раскладывали поддельные паспорта и банковские карты. Остальные находились в полусонном состоянии: кто спал, кто отдыхал, набравшись. Увидев ворвавшихся полицейских, они заметались в панике, бросились врассыпную, пытались сопротивляться.

— Полиция! Всем стоять! На пол! — крикнул Дима и первым ринулся вперёд. Приёмы рукопашного боя, отточенные в академии, он применял виртуозно. Остальные полицейские помогали ему задерживать преступников и перекрывали пути к отступлению. Действовали они слаженно и бесстрашно.

После недолгой, но жаркой схватки все семнадцать преступников, находившихся в складе, были скручены и закованы в наручники. Ни один не ушёл.

На месте были изъяты огромные суммы наличных, сотни банковских карт, несколько десятков поддельных паспортов и полный набор оборудования для их изготовления. Улики неопровержимые — крупная точка по отмыванию денег и подделке документов была ликвидирована.

И когда полицейские начали устанавливать личности задержанных и сверять их со старыми списками разыскиваемых, их ждала ошеломляющая находка.

Один из главарей оказался тем самым Владимиром Сергеевичем Петровым — крупным экономическим преступником, находившимся в розыске тридцать восемь лет, ещё с советских времён!

Тридцать восемь лет назад Петров занимал должность руководителя среднего звена на шахте в Воркуте. Используя служебное положение, он похитил государственные средства в особо крупном размере, а после совершения преступления скрылся и залёг на дно. Дело о нём стало самым старым и самым резонансным «висяком» в воркутинской полиции. Его разыскивали долгие годы — никаких следов. За это время он почти полностью промотал украденное и в конце концов, сменив имя, осел на окраине Воркуты, где занялся отмыванием денег. И так прятался целых тридцать восемь лет!

Когда Дима открыл на своём телефоне сохранённый список разыскиваемых и сверил данные с документами задержанного — сомнений не осталось: именно он, тот самый Владимир Петров, бежавший три десятилетия назад.

На место прибыл начальник УВД полковник Нико-

лай Иванович. Увидев пойманного ветерана-преступника, огромное количество изъятых вещественных доказательств, он едва не задрожал от волнения, схватил руку Димы и принялся трясти её, рассыпаясь в похвалах:

— Молодец! Дима! Ты совершил подвиг! Раскрыл «висяк» тридцативосьмилетней давности, разгромил крупную отмывочную точку. Ты — звезда воркутинской полиции!

Все полицейские хлопали Диму и Игоря по плечу, восхваляли их бесстрашие, отличное взаимодействие и выдающийся вклад.

Игорь смотрел на задержанного преступника, на горы улик, и его переполняло чувство выполненного долга. Он не только помог полиции раскрыть тяжкое преступление, но и проложил дорогу для повышения Димы.

Через несколько дней полковник Николай Иванович устроил торжественное собрание и направил вышестоящему начальству представление о поощрении Димы и присвоении очередного звания. В рапорте подробно излагались героические действия лейтенанта: раскрытие многолетнего «висяка», ликвидация отмывочного гнезда, поимка преступника, скрывавшегося тридцать восемь лет. Заслуги — выдающиеся, все условия для повышения соблюдены.

Начальство ответило быстро: представление утверждено. Диме присвоено звание «старший лейтенант», денежное содержание повышено, объявлена благодарность перед всем личным составом!

В день церемонии повышения почти все сотрудники воркутинской полиции собрались в зале. Обстановка была торжественной.

Дима — в свежевыутюженной форме, подтянутый, серьёзный — поднялся на сцену.

Начальник УВД полковник Николай Иванович собственноручно прикрепил ему новые погоны старшего лейтенанта и громко провозгласил:

— Товарищ Дмитрий Алексеевич Воробьёв! Вы проявили верность долгу, бесстрашие и героизм, раскрыли особо тяжкое преступление, числившееся в розыске тридцать восемь лет, ликвидировали крупнейшую точку по отмыванию денег. Вы внесли неоценимый вклад в дело охраны правопорядка и защиты граждан. Отныне вам присваивается звание «старший лейтенант». Надеюсь, вы и впредь будете добросовестно нести службу, не останавливаясь на достигнутом и оберегать покой наших граждан!

— Служу России! — Дима вытянулся во фрунт и чётко отдал честь. Голос его звучал твёрдо, в глазах — гордость. Из зелёного московского лейтенанта он превратился в старшего лейтенанта, заслужив звание своими делами. Он доказал себе, что выбрал верный путь.

В зале грянули аплодисменты. Игорь, Настя и Семён специально приехали в управление, стояли в толпе, хлопали и кричали «ура», глядя на Диму с гордостью и восхищением.

После церемонии полковник Николай Иванович предложил устроить банкет в честь повышения Димы и раскрытия громкого дела.

Банкет решили проводить не в шикарном ресторане, а в отремонтированной квартире Игоря — тепло, по-домашнему, как встреча большой семьи.

Настя наготовила целый стол: борщ, жареное мясо, сосиски, овощной салат — всё было щедро и вкусно. Игорь достал самую лучшую водку, Дима принёс коньяк, выданный в управлении для торжественных случаев. Полковник Николай Иванович тоже принял приглашение и сел за стол вместе с четверыми друзьями. За столом царили смех и оживление.

Свет мягко заливал комнату, батареи дышали теплом, от

еды поднимался пар, в воздухе разливался аромат водки. Двое влюблённых соединили свои сердца, верный друг получил заслуженное повышение, старое дело раскрыто, впереди — светлая дорога. Всё самое лучшее собралось в этом маленьком, но таком родном доме.

Полковник Николай Иванович поднял рюмку, посмотрел на Диму и Игоря и сказал с улыбкой:

— Сегодня у меня на душе так радостно! Дима получил звание старшего лейтенанта, Игорь помог раскрыть преступление, мы закрыли «висяк» многолетней давности, разгромили преступное гнездо. Давайте выпьем за эту двойную победу!

— За победу!

Все подняли рюмки, они звонко чокнулись. Водка обожгла горло и разлилась по телу теплом.

Дима поднял свою рюмку, повернулся к Игорю и сказал с искренностью:

— Игорь, брат, если бы не ты, если бы не твои сведения, мы бы не раскрыли дело, и я бы не получил повышение. Я этого никогда не забуду.

— Мы же друзья — о чём ты говоришь? — Игорь улыбнулся и тоже поднял рюмку. — Помогать тебе — моя прямая обязанность. Будем и дальше вместе работать, и жизнь у нас будет только лучше.

Настя прильнула к Игорю, лицо её сияло счастьем, она подняла рюмку:

— За то, что Дима стал старшим лейтенантом! И за всех нас — чтобы жили в мире и счастье, чтобы наш очаг горел ярко!

Семён тоже подхватил с улыбкой:

— За Игоря и Настю — чтобы скорее сыграли свадьбу! И за Диму — чтобы поднимался всё выше!

Полковник обвёл взглядом эту тёплую, дружную картину и сказал с чувством:

— Диме очень повезло, что он встретил таких друзей. А вам повезло, что вы смогли обосноваться в Воркуте и построить здесь свой дом. Живите дружно, а если будут трудности — полиция всегда поможет.

На банкете говорили обо всём: и как захватывающе прошла операция, и о радости повышения, и о недавних невзгодах, и о планах на будущее. Разговоры лились свободно, дружба крепла.

Дима захмелел, но на душе у него было легко и свободно. Он отказался от московской суеты и приехал в этот ледяной городок. Сначала он чувствовал, что его таланты зарыты в землю, его грызло разочарование. А теперь он обрёл настоящую дружбу, нашёл верных людей, получил звание старшего лейтенанта и нашёл своё истинное призвание. Всё было не зря.

Игорь смотрел на свою невесту Настю, на верных друзей Диму и Семёна, на тёплый уютный дом. Сердце его переполняло счастье. Он приехал сюда нищим, в долгах, без крыши над головой, а теперь не должен ни копейки, обручился с любимой, помог раскрыть преступление. Он наконец твёрдо встал на ноги в этом незнакомом городе и обрёл всё, что хотел.

Настя гладила пальцами серебряное колечко на безымянном пальце. Глаза её светились надеждой. Она дождалась своего любимого, дождалась спокойной жизни. Больше не надо мыкаться по чужим углам, не надо терпеть лишения.

Семён тоже был счастлив. Рядом с братом жизнь становилась всё лучше. Он больше не был трусливым и неуверенным — у него появилась опора, появилась цель.

Ночь сгустилась. Банкет подходил к концу. Полковник ушёл первым. Четверо остались сидеть за столом, допивали остатки водки, строили планы.

Игорь задумал, когда потеплеет, сыграть с Настей свадьбу и пригласить Диму быть свидетелем. Дима решил и дальше нести службу на своём участке, оберегать покой на этой земле, защищать свою семью и друзей. Семён собирался и дальше торговать вместе с Игорем, копить деньги и тоже создать семью.

Никаких громких клятв — только тихое, простое счастье. Никаких подвигов на весь мир — только верное плечо рядом день за днём.

Эта заброшенная хрущёвка у самого Полярного круга — ледяная, разбитая — стала тёплым домом. Туда, где раньше никто не ходил, вернулась жизнь. Четверо простых людей встретились здесь, узнали друг друга, прошли сквозь невзгоды и наконец обрели счастье. Теперь они вместе шагают в светлое будущее.

Ледяной дом согрелся теплом, двое влюблённых дали друг другу слово, старое преступление наказано, герой получил заслуженную награду. Их история продолжается. А впереди — только тепло и свет.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.